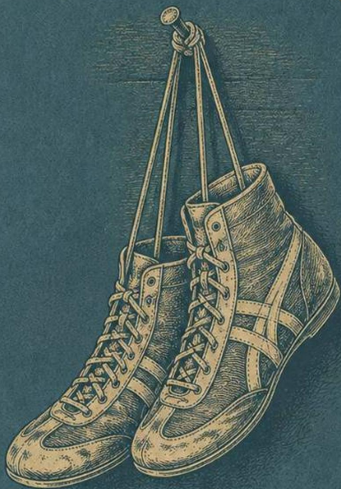

But why?

ТАМЕРЛАН МАРГИЕВ

Тамерлан Маргиев

But why?

<https://litres.ru/74018646>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетний Бенджамин Уилсон переезжает в новый город, надеясь начать жизнь заново. Но вместо долгожданных перемен его ждут тяжёлые тренировки, опасные соперники, болезненные разочарования и постоянное чувство, что он недостаточно хорош для своих мечтаний.

На пути к спортивной вершине Бену предстоит столкнуться с предательством собственных иллюзий, пережить первую настоящую потерю и понять, что сила человека измеряется не количеством побед. Рядом с ним окажутся те, кто поможет ему не сломаться: верный друг, мудрый наставник и люди, которые тоже ведут свою внутреннюю борьбу.

«But Why?» — роман о взрослении, дружбе, первой любви и поиске своего места в мире. История о том, почему человек продолжает подниматься после поражений и как самые важные битвы происходят не на спортивном ковре, а внутри нас самих.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1:Переезд	6
Глава 2:Старый знакомый	13
Глава 3:Тишина после	22
Глава 4: Кевин	31
Глава 5:Отбор в команду	46
Глава 6:Артур Цопсон	53
Глава 7:Подарок Кармен	62
Глава 8: Осенние каникулы	69
Глава 9:Первая встреча с Мэри	74
Глава 10:УРОК	80
Глава 11:Бабушка	95
Глава 12:Подготовка к свиданию с Мэри	102
Глава 13:Скотт	110
Глава 14: Свидание с Мэри	114
Глава 15:Разговор	143
Глава 16:Автомастерская	151
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Тамерлан Маргиев

But why?

Пролог.

Иногда всё начинается не с победы. И даже не с поражения. А с вопроса.

Того самого, который появляется в голове в самый неподходящий момент и не даёт покоя, сколько бы ты ни пытался его заглушить.

Почему?

Почему именно так. Почему именно со мной. Почему, сколько бы ты ни старался, всё равно не получается. Почему боль приходит раньше результата. Почему легче сдаться, чем сделать ещё один шаг.

Этот вопрос не кричит. Он не требует ответа. Он просто остаётся.

Где-то внутри.

И с каждым днём становится громче.

Он не помнил, когда впервые задал его. Может быть, тогда, когда впервые проиграл. Или когда понял, что одних стараний недостаточно. А может — в тот момент, когда стоял один, смотрел вперёд и вдруг осознал, что не знает, куда идти дальше.

Но он точно помнил другое.

Он не получил ответа. Ни тогда. Ни позже.

И, возможно, в этом и была вся суть.

Потому что иногда жизнь не объясняет. Она просто ставит перед тобой выбор:

Остановиться. Или идти дальше.

Без гарантий. Без уверенности. Без ответа на этот чёртов вопрос.

И в какой-то момент ты понимаешь — дело уже не в том, почему это происходит.

А в том, сможешь ли ты продолжить, несмотря ни на что.

И, может быть...

именно с этого всё и начинается.

* * *

Глава 1:Переезд

Сегодня было 20 мая 2007 года.

Прошёл ровно год с тех пор, как моя жизнь изменилась полностью.

Я повзрослел. Осознал вещи, о которых раньше даже не задумывался. Начал строить планы, в которые раньше просто играл, как ребёнок играет в будущее.

Я всегда думал, что становление происходит постепенно. Шаг за шагом. День за днём.

Но в моём случае всё рухнуло и собралось заново в один момент. Как снежный ком, который сначала кажется маленьким, а потом сносит всё на своём пути.

Наверное, у жизни действительно свои планы на каждого.

И иногда она не спрашивает, готов ты или нет.

Она просто начинает.

...Но давайте начнём сначала.

* * *

Меня зовут Бенджамин. Мне шестнадцать.

И 1 сентября 2006 года началось так же, как начинались сотни других дней в моей жизни.

В 5:30 утра раздался звук будильника. Резкий, неприятный, такой, от которого хочется выбросить его в окно.

Я вскочил сразу.

Не потому что выспался. А потому что знал — если не

встану сейчас, будет хуже.

Намного хуже.

Я быстро умылся, натянул спортивную форму и вышел на улицу. Холодный воздух обжёг лицо, но это было даже приятно — он приводил в чувство быстрее любого кофе.

Пробежка. Душ. Одежда. Велосипед.

Всё по привычному сценарию.

Изменилось только одно.

Мы переехали.

Новый дом. Новый город. Новая школа.

И, как оказалось, новая жизнь.

Причина была проста — бабушка заболела. И мама не могла оставить её одну.

Она вообще не умела оставлять людей, которых любила.

Поэтому мы уехали. В другой штат. Начали заново.

* * *

Я почти доехал до школы, когда вдруг почувствовал пустоту в кармане.

Остановился.

Проверил ещё раз.

И внутри всё сжалось.

Талисман.

Я развернулся, не раздумывая.

Без него я не мог. Глупо? Возможно.

Но за восемь лет он стал частью меня.

* * *

Я влетел в дом так, будто за мной кто-то гнался.

Мама уже помогала бабушке одеваться для прогулки.

— Бенджамин, ты хоть раз можешь выйти из дома и не вернуться? — сказала она, даже не оборачиваясь. — Первый учебный день, между прочим.

— Я забыл талисман, ма.

— Конечно. Как же без этого.

* * *

Она вздохнула, но в этом вздохе не было злости. Только усталость... и забота. Долорес была сильной женщиной. Той самой силы, что бывает у женщин с юга — непреклонной, как скала, об которую разбиваются волны.

Высокая, с горделивой осанкой, она всегда держала спину прямо, словно не желала кланяться судьбе. Её лицо с правильными, четкими чертами хранило следы былой красоты, теперь подчеркнутой лишь строгостью и жизненным опытом. Густые тёмные волосы, в которых всё чаще мелькали седые нити, она по привычке строго убирала назад, открывая высокий лоб.

Но главное — это были её глаза. Большие, выразительные, цвета крепкого кофе с молоком. В них всегда плескалась жизнь. Даже когда она молчала, эти глаза говорили — о требовательности, о гордости, о том огне, который она умела сдерживать, но который всегда был готов разгореться.

Она рано стала матерью. И рано научилась быть сразу всем. И матерью. И отцом. И той самой непоколебимой сте-

ной, о которую можно было облокотиться, когда совсем не осталось сил.

Она не жалела Бена. Но и не давала сломаться. Её любовь была не в сюсюканье и не в сладких словах. Она была в жестком взгляде, в умении поставить на место и в той тишине, в которой он всегда чувствовал: она рядом.

Бен нашёл талисман под кроватью.

Схватил его. Сжал в руке.

И только тогда смог нормально вдохнуть.

* * *

В школу мальчик всё-таки опоздал.

Учитель английского, мистер МакГи, встретил меня взглядом, в котором уже было всё понятно.

— Причина?

— Плохо ориентируюсь в школе... и велосипед барахлит.

Он смотрел ещё пару секунд.

Потом кивнул.

Бен прошёл на последнюю парту.

Место где можно было быть... незаметным.

* * *

Учёба парня не интересовала.

Совсем.

Вся жизнь крутилась вокруг одного — борьбы.

Рестлинг.

Он попал туда случайно.

Но остался навсегда.

С первой тренировки* * *понял — это то что нужно.

Каждое движение. Каждая схватка. Каждая победа и каждое поражение.

Он хотел стать чемпионом.

Не просто хотел.

Он жил этим.

* * *

— Уилсон.

Парень не сразу понял, что кличут именно его.

— Уилсон, вы с нами?

поднял глаза.

В голове — пустота.

Сбоку раздался тихий голос:

— Он про книгу Харпер Ли.

Бен* * *слегка повернул голову.

Парень с кучерявыми волосами.

— «Убить пересмешника», — прошептал он.

— «Убить пересмешника», — повторил* * *вслух Бен.

Учитель кивнул и пошёл дальше.

— Спасибо.

— Да не за что. Я Кевин.

— Бенджамин.

— Тогда Бен.

Он улыбнулся.

И почему-то в этот момент школа перестала казаться мальчику совсем чужой.

* * *

После урока он догнал меня в коридоре.

— Ты ведь борец, да?

— Типа того. А как ты понял?—Вопросительно посмотрел на него Бенджамин.

-Нуу..-Ухмыльнувшись произнес Кевин трогая свои уши.

-А. точно, прости.-Почесав затылок ответил мальчик.

— Тогда тебе надо на отбор. Скоро будет.

Он говорил быстро, немного нервно, но искренне.

Бен посмотрел на Кевина и почувствовал , что тот переживает.

— Скажешь когда — я приду.

Он замер.

— Правда?

— Правда, дружище.

Он ничего не ответил.

Просто улыбнулся.

* * *

После школы Бен* * *ехал домой и думал только об одном:

Надо доказать.

Учителям. Себе. Всем.

Что я — не просто парень с полломанными ушами.

* * *

Дома меня уже ждал обед.

— Я вечером к Кармен, — сказал я.

Мама посмотрела внимательно.

— Вы до сих пор общаетесь?

— Конечно.

— И что дальше?

Я пожал плечами.

— Посмотрим.

Она на секунду замолчала.

— Бен... ты думал о поступлении?

Вот оно.

— Ма, не сейчас.

— А когда?

— Когда выиграю.

Она ничего не ответила.

Но я видел — она не верит.

* * *

Я вышел из дома, захлопнув дверь.

И даже не заметил, как сильно сжал кулаки.

Потому что внутри уже тогда звучал тот самый вопрос.

Почему?

* * *

Глава 2: Старый знакомый

Дверь за спиной Бенджамина закрылась с глухим щелчком.

Он спустился с крыльца, не оборачиваясь, и только на секунду остановился у велосипеда. Рука автоматически потянулась к карману — талисман был на месте.

Он сжал его.

Будто проверял, что хоть что-то в этой жизни остаётся неизменным.

Сегодня был не просто день.

Сегодня он должен был увидеть её.

* * *

Город всё ещё казался чужим.

Улицы — слишком длинными. Дома — одинаковыми.

Люди — незнакомыми.

Он знал только одну дорогу — от дома до школы.

Но адрес, который назвала Кармен, был другим.

Возле супермаркета.

Бен ехал медленно, всматриваясь в вывески, поворачивая неуверенно, иногда останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Любой прохожий мог бы понять — он здесь недавно.

Но внутри него не было тревоги.

Только ожидание.

* * *

С Кармен он был знаком почти всю жизнь.

С пяти лет.

С того самого возраста, когда дети впервые выходят во двор без родителей и начинают искать своё место среди других.

Но Бен никогда не умел делать это легко.

Он стоял в стороне. Смотрел. Ждал.

А потом возвращался домой.

* * *

Пока однажды она не подошла к нему сама.

Он сидел в песочнице, перебирая песок, строя что-то бессмысленное — не потому что хотел, а потому что не знал, чем ещё заняться.

Она села рядом.

Слишком близко.

Настолько, что он растерялся и едва не упал со своего маленького стульчика.

Она засмеялась.

— Привет. Поможешь мне построить замок?

Голос был лёгкий, но в нём была уверенность.

— У меня сегодня вообще ничего не получается... я даже совочек сломала.

Бен посмотрел на неё.

И впервые за долгое время почувствовал, что его... видят.

— Помогу, — тихо ответил он.

Они строили вместе.

Молча. Сосредоточенно.

— А почему ты не играешь с другими? — спросила она спустя какое-то время.

Он пожал плечами.

— Потому что они не играют со мной.

Она задумалась на секунду.

А потом сказала:

— Тогда играй со мной.

И, немного наклонив голову, добавила:

— Если построишь красивый замок — я буду твоим другом.

Он до сих пор помнил этот момент.

Слишком хорошо.

Как будто он не закончился.

* * *

— Ты что делаешь?!

Маленький Бен смотрел, как она разрушает только что построенный замок.

С таким же усердием, с каким они его создавали.

Она смеялась.

— Давай вместе! Это же весело!

— Но... мы же его строили...

— Он всё равно разрушится, — пожала она плечами. —

Так пусть это будем мы.

Он посмотрел на неё.

И вдруг тоже начал смеяться.

И рушить.

С этого всё началось.

Бен резко вернулся в реальность.

Перед ним уже виднелась нужная улица.

Он замедлил ход.

И увидел её.

* * *

Кармен стояла у аллеи.

В тёмной клетчатой юбке и лёгкой кофте, держа сумочку за спиной.

Ветер слегка трепал её волосы.

Она смотрела куда-то в сторону.

Не на него.

Бен остановился на мгновение.

И вдруг почувствовал, как внутри всё сжимается.

Он ожидал радость.

А почувствовал... напряжение.

Но отогнал эту мысль.

И пошёл вперёд.

* * *

Она заметила его раньше.

Конечно заметила.

Высокий, тёмноволосый, чуть неуверенный в шаге, но с той самой улыбкой, которую невозможно было не узнать.

«Он изменился», — мелькнуло у неё в голове. «Но... не до конца».

* * *

Бен подошёл и сразу обнял её.

Крепко.

Так, будто хотел наверстать всё время, которое они про-
вели далеко друг от друга.

Кармен обняла в ответ.

Но почти сразу отстранилась.

Именно в этот момент он всё понял.

Ещё не осознал. Но уже почувствовал.

* * *

— Непредсказуемая жизнь, да? — сказал он, пытаясь
улыбнуться.

— Да... — тихо ответила она.

И отвела взгляд.

* * *

Они пошли вдоль аллеи.

Разговаривали.

Обо всём.

И ни о чём.

Бен говорил много. Слишком много.

Рассказывал про тренировки, про новую школу, про мать,
про всё, что приходило в голову.

Кармен слушала.

Иногда отвечала.

Но её голос был другим.

Не тем, который он помнил.

* * *

Они сели на скамейку.

Листья уже начали желтеть.

Ветер гнал их по асфальту.

Город будто замер.

И в этом молчании было что-то тяжёлое.

* * *

Кармен глубоко вдохнула.

— Бен...

Он сразу посмотрел на неё.

— Я не могу так больше.

Он замер.

— Что... не можешь?

Она подняла глаза.

И впервые посмотрела прямо.

Холодно.

Чётко.

— Мы должны закончить.

Слова прозвучали спокойно.

Слишком спокойно.

* * *

— Почему? — спросил он.

Не громко.

Но так, будто внутри уже всё рушилось.

— Потому что мы разные, Бен.

— Мы всегда были разными.

— Нет.

Она покачала головой.

— Раньше это не имело значения.

А сейчас — имеет.

* * *

Он молчал.

Она продолжила:

— Ты живёшь будущим. Мечтами. А я... я живу сейчас.

— Я работаю ради этого будущего.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Она закрыла глаза на секунду.

И тихо сказала:

— Я не хочу ждать жизнь, которая может не наступить.

* * *

Эти слова ударили сильнее любого удара.

Сильнее любого поражения.

* * *

— Кармен...

Он хотел что-то сказать.

Но не смог.

* * *

Она встала.

Потом снова посмотрела на него.

Уже мягче.

— Я не жалею ни о чём.

Правда.

Ты... лучший человек, которого я знала.

Но этого недостаточно.

* * *

Она наклонилась.

Обняла его.

Он обнял в ответ.

Сильнее.

И в этот момент по его щекам впервые за долгое время
пошли слёзы.

Тихо.

Незаметно.

* * *

— Всё будет хорошо, Бен, — прошептала она.

Он чуть отстранился.

Кивнул.

— Да... у меня просто отбор завтра.

Нужно готовиться.

Она посмотрела на него.

Поняла.

Но ничего не сказала.

* * *

— Прощай, Кармен.

— Прощай, Бен.

* * *

Она ушла.

Не оборачиваясь.

* * *

Он остался.

Сидел на скамейке.

Долго.

Слишком долго.

Пока не достал из кармана хлеб.

И не начал крошить его в воду.

Лебеди подплывали ближе.

Спокойные.

Беззаботные.

* * *

А внутри него всё рушилось.

* * *

И впервые за долгое время этот вопрос прозвучал особенно громко:

Почему?

* * *

Глава 3: Тишина после

Кармен ушла.

Без крика. Без слёз. Без последнего взгляда.

Просто развернулась — и исчезла среди деревьев, будто её и не было.

Бенджамин остался сидеть на скамейке.

Он не пытался её остановить. Не побежал следом. Даже не позвал.

Будто в тот момент внутри него что-то выключилось.

* * *

Лебеди подплывали ближе.

Они тянулись к хлебу, который он машинально крошил в воду.

Кусок за куском.

Медленно.

Без мыслей.

Без эмоций.

Он смотрел, как они плывут, как вода расходится кругами... и не чувствовал ничего.

Абсолютно ничего.

* * *

Сколько он так просидел — он не знал.

Время перестало существовать.

Мир будто стал тише.

Гораздо тише, чем должен быть.

* * *

Когда он наконец встал, ноги сначала не послушались.

Будто тело забыло, как двигаться.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

И пошёл.

Не оглядываясь.

* * *

Он не помнил, как сел на велосипед.

Не помнил, как поехал.

Дорога домой прошла мимо него, как фон.

Люди шли навстречу. Машины проезжали рядом. Кто-то смеялся, кто-то разговаривал по телефону.

Жизнь продолжалась.

Только не у него.

* * *

В какой-то момент он остановился на светофоре.

Красный.

Он смотрел на него слишком долго.

И вдруг поймал себя на мысли, что не понимает... зачем ждать зелёный.

Какая разница?

Он всё равно никуда не спешит.

* * *

Дома было тихо.

Слишком тихо.

Он зашёл, снял обувь, не включая свет.
Поднялся по лестнице.
Каждая ступень отзывалась глухим звуком.
Как будто дом стал пустым.
Хотя в нём по-прежнему были люди.

* * *

Комната встретила его привычно.
Кровать. Окно. Потолок.
Всё было на своих местах.
Только что-то изменилось.
Он сам.

* * *

Бен лёг на спину.
Закинул руки за голову.
Так же, как делал это сотни раз до этого.
Смотрел в потолок.
Раньше в такие моменты в его голове рождались картины.
Огромные залы. Аплодисменты. Победы. Медали.
Он видел будущее.
Яркое. Чёткое. Его.

* * *

Сейчас — ничего.
Пустота.

* * *

Он попытался представить.
Хотя бы что-то.

Но в голове была только одна сцена.

Скамейка.

Её взгляд.

И слова:

«Я не хочу ждать жизнь, которая может не наступить».

* * *

Он резко закрыл глаза.

Сжал зубы.

* * *

— Это бред... — тихо прошептал он.

Но голос прозвучал неуверенно.

Слабо.

* * *

Впервые за долгое время в его голове появилась мысль, которую он всегда гнал от себя.

Мысль, которой не должно было быть.

* * *

А вдруг она права?

* * *

Он открыл глаза.

Сел.

Сердце вдруг забилось быстрее.

Слишком быстро.

* * *

А вдруг... действительно не получится?

А вдруг все эти годы — зря?

А вдруг он просто... верит в то, чего нет?

* * *

— Нет.

Он резко встал.

Как будто испугался собственных мыслей.

* * *

— Нет. Нет. Нет.

Он повторял это вслух, ходя по комнате.

Будто пытался заглушить голос внутри.

* * *

Но тот не исчезал.

* * *

Почему?

* * *

Слово прозвучало тихо.

Но отчётливо.

* * *

Почему именно сейчас?

Почему именно так?

Почему, когда он делает всё правильно, всё начинает ру-
шиться?

* * *

Он ударил кулаком по стене.

Раз.

Второй.

Сильнее.

* * *

Боль пронзила руку.

Но он даже не обратил внимания.

* * *

Почему?

* * *

Этот вопрос уже не просто звучал.

Он давил.

Разрывал.

Заставлял сомневаться.

* * *

Бен резко наклонился, упёрся руками в колени.

Тяжело дышал.

Будто после изнурительной тренировки.

Хотя не сделал ни одного упражнения.

* * *

Он подошёл к окну.

Открыл его.

Холодный воздух ворвался в комнату.

Свежий.

Резкий.

Настоящий.

* * *

Он вдохнул.

Глубоко.

Ещё раз.

* * *

И вдруг...

сделал шаг назад.

* * *

Упал на пол.

И начал отжиматься.

* * *

Раз.

Резко.

С силой.

* * *

Два.

* * *

Три.

* * *

Он ускорялся.

С каждым повторением всё быстрее.

Сильнее.

Жёстче.

* * *

Как будто пытался вытолкнуть из себя всё, что было внутри.

Боль. Сомнение. Страх. Пустоту.

* * *

— Давай... — Давай... — Давай...

Он шептал это сквозь стиснутые зубы.

Сам себе.

* * *

Руки начали дрожать.

Дыхание сбилось.

Мышцы горели.

* * *

Но он не останавливался.

* * *

Пока не рухнул.

Лицом в пол.

* * *

Он лежал.

Не двигаясь.

Слушая, как бьётся сердце.

Громко.

Сильно.

Живо.

* * *

И в этой тишине среди сбитого дыхания и глухих ударов
пульса

в его голове снова прозвучал тот же вопрос:

* * *

Почему?

* * *

Но теперь...

в нём было не только отчаяние.

* * *

В нём было начало.

* * *

Глава 4: Кевин

В то время как кто-то засыпал с мыслями о победах, Кевин Батлер засыпал с мыслями о том, как однажды доказать, что он не тот, над кем можно смеяться.

* * *

Он лежал на кровати, уставившись в потолок.

В одной руке — комикс про Человека-паука. В другой — шахматная ладья.

Он медленно прокручивал её между пальцами, словно пытался нащупать в этом простом предмете что-то большее.

Опору.

Смысл.

Контроль.

* * *

В его жизни не было десятков увлечений.

Но если что-то его цепляло — он не отпускал.

Никогда.

* * *

С шахматами всё началось случайно.

И, как это часто бывает, — с поражения.

* * *

Первый турнир.

Первая партия.

И детский мат через несколько ходов.

Быстро.

Холодно.

Без шансов.

* * *

Соперник усмехнулся.

Лёгкое, почти незаметное движение губ.

Но этого было достаточно.

* * *

Кевин почувствовал, как внутри что-то сжалось.

* * *

«Надо мной и так смеются... Не хватало ещё и здесь».

* * *

Он встал из-за стола и ушёл.

Не попрощавшись.

Не обернувшись.

* * *

Тренер, Билл Роджерс, лишь проводил его взглядом.

Пожилой мужчина в очках, привыкший к тому, что дети приходят и уходят.

Он был почти уверен, что больше не увидит этого мальчика.

* * *

Но Кевин вернулся.

Не на следующий день.

Не через неделю.

* * *

Он вернулся другим.

* * *

В тот же вечер он пришёл домой и впервые за долгое время не открыл учебники.

Он сел.

И подумал.

Долго.

По-настоящему.

* * *

А потом попросил у матери немного денег.

И пошёл в магазин.

* * *

Книги по шахматам.

Одна.

Вторая.

Третья.

* * *

С этого момента у него появилась цель.

Не просто играть.

Не просто понимать.

* * *

Стать тем, над кем не смеются.

* * *

Он учился.

Часами.

Днями.

Неделями.

* * *

После школы — сразу за стол.
Сначала уроки. Быстро. Чётко.
Чтобы ничто не отвлекало.

* * *

Потом — шахматы.

Партии.

Разборы.

Ошибки.

Снова партии.

* * *

Он начал смотреть турниры.

Записывать ходы.

Останавливаться.

Возвращаться.

Понимать.

* * *

И однажды он увидел его.

Гарри Каспаров.

* * *

Уверенный.

Спокойный.

Холодный.

Абсолютно сосредоточенный.

* * *

Кевина поразило не только то, как он играл.

А то, как он держался.

Как смотрел.

Как молчал.

* * *

Он прочитал, что Каспаров уже в пятнадцать лет стал ассистентом своего тренера.

И в этот момент внутри Кевина что-то щёлкнуло.

* * *

«Значит... можно».

* * *

С того дня всё изменилось.

* * *

Спустя месяцы тренировок, онлайн-турниров и бесконечных партий Кевин снова открыл дверь шахматного кабинета.

* * *

На нём был чёрный костюм.

И такой же галстук.

Как у Каспарова.

* * *

Он подошёл к столу.

Сел.

Посмотрел на Билла Роджерса.

Прямо.

Без страха.

* * *

— Я хочу сыграть с вами.

* * *

В комнате стало тише.

* * *

Билл приподнял бровь.

А затем... улыбнулся.

* * *

— Смелое заявление, Кевин.

* * *

Фигуры были расставлены.

Партия началась.

* * *

Ход за ходом.

Точно.

Вдумчиво.

* * *

Каждое движение Кевина было не просто действием.

Это был вызов.

* * *

Ребята начали подтягиваться.

Один.

Второй.

Третий.

* * *

Кто-то шептался.

Кто-то переживал за тренера.

Кто-то просто не верил в происходящее.

* * *

Кевин чувствовал взгляды.

Слышал шёпот.

* * *

Сердце билось быстрее.

Руки слегка дрожали.

* * *

Но он вспомнил.

Как сидел Каспаров.

Как держал паузу.

Как смотрел на доску.

* * *

И тогда Кевин поднял глаза.

* * *

— Думаю, он справится сам.

* * *

Тишина.

* * *

А потом — смех.

Тёплый.

Живой.

* * *

Билл рассмеялся.

Громко.

От души.

* * *

И в этот момент он понял:
этот мальчик не просто играет.
Он борется.

* * *

Партия продолжалась.
Долго.
Напряжённо.

* * *

И в какой-то момент Билл посмотрел на доску чуть дольше обычного.

* * *

Он всё понял.

* * *

Ещё несколько ходов — и Кевин проиграет.

* * *

Но не так, как раньше.

Не быстро.

Не глупо.

* * *

Достойно.

* * *

Билл встал.

Взял телефон.

Сказал, что ему нужно выйти.

* * *

Минуты тянулись.

* * *

Когда он вернулся, он уже держал куртку.

* * *

— Мне нужно уйти, ребята.

Неотложные дела.

* * *

Лёгкое разочарование пронеслось по комнате.

* * *

Кевин опустил взгляд.

* * *

Но Билл подошёл к нему.

И тихо сказал:

* * *

— Главное — не как ты побеждаешь. А как ты принимаешь поражение.

* * *

Пауза.

* * *

— Приходи завтра.

Думаю, мы с тобой ещё не договорили.

* * *

Кевин кивнул.

* * *

Когда дверь закрылась, всё изменилось.

* * *

Ребята окружили его.

С вопросами.

С интересом.

С уважением.

* * *

Впервые.

* * *

Они спрашивали его мнение.

Просили объяснить.

Слушали.

* * *

И Кевин отвечал.

Спокойно.

Уверенно.

* * *

В тот вечер он впервые почувствовал:
он не лишний.

* * *

Когда все разошлись, он остался один.

* * *

Сел за доску.

Посмотрел на фигуры.

* * *

И вдруг... улыбнулся.

* * *

Он увидел.

* * *

Ещё два хода.

И всё.

Мат.

* * *

Не ему.

* * *

Он проигрывал.

* * *

Тихо.

Без горечи.

* * *

Он сделал эти два хода сам.

Довёл партию до конца.

* * *

И поставил себе мат.

* * *

После этого он взял лист бумаги.

И написал:

«Спасибо».

* * *

Аккуратно положил его на стол.

Выключил свет.

И вышел.

* * *

С этого дня у него появилась мечта.

Не просто играть.

* * *

Стать чемпионом мира.

* * *

Но, в отличие от многих, он не позволил мечте заменить
реальность.

* * *

Он продолжал учиться.

Лучше всех.

Всегда.

* * *

Не потому что заставляли.

А потому что боялся остаться ни с чем.

* * *

План «Б».

Он был у него всегда.

* * *

И, возможно, именно поэтому он не чувствовал себя та-
ким же свободным, как другие.

* * *

Он хотел гулять.

Смеяться.

Быть частью компании.

* * *

Но не знал — как.

* * *

Поэтому оставался в своём мире.

Где всё было понятно.

Логично.

Предсказуемо.

* * *

Кроме одного.

* * *

Оливия.

* * *

Единственное, что не поддавалось никакой логике.

* * *

Он влюбился в неё ещё в пятом классе.

В день, который должен был стать счастливым.

Но стал... другим.

* * *

Торт.

Смех.

Лица.

* * *

И удар.

* * *

Не физический.

* * *

Гораздо хуже.

* * *

Он до сих пор помнил этот момент.

Помнил смех.

Помнил пол.

Помнил вкус крема.

* * *

И помнил, как хотел исчезнуть.

* * *

А потом...

она открыла дверь.

* * *

— Я принесла салфетки.

* * *

И в этот момент весь мир стал тише.

Он увидел её.

Зелёные глаза.

Веснушки.

Тёплая улыбка.

* * *

И впервые за долгое время ему стало... не больно.

* * *

С тех пор она осталась с ним.

В мыслях.

В мечтах.

В каждой его победе.

* * *

И даже сейчас, лежа в темноте, слушая музыку, он представлял...

* * *

Как однажды станет кем-то большим.

Сильным.

Заметным.

* * *

И тогда...

она посмотрит на него иначе.

* * *

Перед сном он аккуратно сложил всё на столе.

Поставил ладью на место.

Поправил доску.

Снял очки.

* * *

И закрыл глаза.

* * *

Завтра был важный день.

* * *

Он должен был отвести Бена в зал.

На отбор.

* * *

И, возможно, даже не подозревая об этом, изменить не только свою жизнь.

Но и его.

* * *

Глава 5: Отбор в команду

Утром Бенджамин проснулся по расписанию. Несмотря на тяжесть после вчерашнего разговора с Кармен, он сделал зарядку, позавтракал, принял душ и собрался в школу.

Перед выходом он, как всегда, проверил карман куртки — талисман был на месте.

Это немного успокоило.

Сев на велосипед, Бен поехал в школу, прокручивая в голове слова Кармен. Больше всего его задело не то, что она сказала, а то, как она это сказала. Её взгляд. Чужой. Холодный.

Он задумался — и на секунду потерял контроль.

Руль задел боковое зеркало машины, стоявшей на светофоре.

Водитель вздрогнул — горячий кофе пролился прямо на рубашку.

— Ты совсем сдурел?! — резко крикнул он, высовываясь из окна. — Смотри, куда едешь!

Бен резко остановился.

— Простите, я не специально... я задумался.

— Мне плевать! Новый костюм ты мне купишь?

Мужчина вышел из машины и подошел ближе. Его голос становился все жестче.

Бен сжал руль. Он уже хотел слезть с велосипеда и отве-

тить, но бросил взгляд на часы.

Он опаздывал.

— Извините! — крикнул он и резко сорвался с места.

— Стой! — донеслось вслед. — Я тебя еще найду!

Но Бен уже мчался к школе.

* * *

У входа его ждал Кевин.

— Привет, Бен.

— Привет.

— После истории покажу тебе школу, чтобы ты не терялся.

— Договорились.

На уроке Бен почти не слушал. Он думал о Кармен.

И вдруг его осенило.

Подарки. Свидания. Внимание.

Вот чего она от него хотела.

Он решил накопить денег и устроить ей сюрприз.

Около пятидесяти долларов.

Проблема была в том, что эти деньги он копил на новые борцовки.

Но сейчас это уже не имело значения.

* * *

После уроков Кевин показал ему школу: кабинеты, спортивную площадку, зоны отдыха и столовую.

— Тут иногда бывает пицца... но одному её не съесть, — немного неловко сказал Кевин.

— Значит, сегодня ты не один, — улыбнулся Бен.

Они взяли пищу.

И с этого момента между ними появилось что-то большее, чем просто знакомство.

* * *

В раздевалке перед тренировкой Бен впервые увидел будущих соперников. Крепкие, собранные, сосредоточенные.

Он переделся, поправил старые борцовки, заклеенные пластырем, и вышел в зал.

Три огромных ковра.

Такого он не видел даже на многих соревнованиях.

Сердце забилось быстрее.

Но это был не страх.

Это было чувство, ради которого он жил.

* * *

Свисток.

Перед ними стоял тренер.

Это был Пол Уайт — невысокий, но крепко сбитый мужчина с плотной шеей и широкими плечами. Его лицо казалось выточенным из камня: тяжелая челюсть, короткая стрижка, прищуренный взгляд, в котором читалась жесткость и привычка держать всё под контролем. Он не выглядел массивным, но в его фигуре ощущалась взрывная сила человека, прошедшего через сотни схваток.

— Меня зовут Пол Уайт. Если пройдете отбор — я буду вашим тренером. Здесь вы либо работаете, либо уходите.

Голос не оставлял выбора.

Началась перекличка.

— Уилсон.

— Я.

Пол подошел ближе, посмотрел ему в глаза... и вдруг усмехнулся.

— Я же говорил, что мы еще встретимся.

Бен замер.

Это был тот самый водитель.

* * *

Тренировка началась жестко.

Спринты. Прыжки. Выпрыгивания.

Бен работал на пределе, но из-за веса и специфики упражнений быстро начал «забиваться». Каждое упражнение давалось все тяжелее.

— Уилсон! Еще тридцать!

Тренер не давал ему ни секунды передышки.

Но Бен не остановился.

* * *

Когда начались схватки, его поставили против Джона Джеймса — крупного, мощного парня.

Первый период остался за соперником.

Счет — 5:1.

Но Бен заметил главное — Джон устает.

Во втором периоде он изменил темп.

Ложное движение. Рывок.

Проход в две ноги.

Чисто. Быстро. Без шанса на спасение.

Туше.

Свисток.

Победа.

С трибун Кевин едва не подпрыгнул от радости.

* * *

После тренировки Пол остановил Бена.

— В команде будешь. Но — запасной.

— Я могу быть первым номером.

— Не в этом году.

Он кивнул в сторону парня с идеальной техникой и физикой.

— Моя задача — чтобы он выиграл штат.

Бен сжал зубы.

— Я понял.

Но внутри у него прозвучало другое:

Я все равно стану первым.

* * *

Через несколько дней список вывесили.

Имя Бена было там.

Он стал частью команды.

* * *

Жизнь вошла в ритм.

Школа. Тренировки. Экономия.

Он копил деньги, откладывая каждую мелочь.

После тренировок оставался в зале один.
Отрабатывал проходы. Броски. Движение.
До полного изнеможения.

* * *

Однажды вечером, когда он снова тренировался один, из темноты раздался голос:

— Плотнее входи в атаку.

Бен обернулся.

У двери стоял охранник.

Седой, спокойный, внимательный.

Артур.

— Соперник должен чувствовать, будто его сбил грузовик.

Бен кивнул и повторил движение.

— Ты много работаешь. Но не забывай отдыхать.

Артур хлопнул его по плечу.

— У тебя есть потенциал.

* * *

В тот вечер Бен шел домой пешком, ведя велосипед рядом.

Осень тихо укрывала город.

Желтые листья, холодный воздух, спокойствие.

Он купил воду и батончик.

И впервые за долгое время позволил себе улыбнуться.

Деньги были почти собраны.

Завтра он увидит Кармен.

И, возможно, всё изменится.

* * *

Глава 6: Артур Цопсон

Артур Цопсон родился в феврале 1941 года. К своим тридцати он уже прожил жизнь, которой хватило бы на двоих.

Высокий, широкоплечий, с тёмной кожей, выразительными скулами и внимательным, немного усталым взглядом — он всегда выглядел старше своих лет. В его лице было что-то одновременно строгое и тёплое: мягкая улыбка, но глаза человека, который слишком рано понял, как устроен мир.

Он работал охранником в школе в Мичигане уже много лет, но эта история началась задолго до этого.

* * *

С детства, когда его звали просто Арчи, он влюбился в борьбу.

Это случилось случайно — из-за криков соседа, который смотрел Олимпийские игры 1956 года в Мельбурне. Маленький Артур тогда впервые увидел, как человек выходит на ковёр не просто драться — а доказывать, что он чего-то стоит.

С того дня борьба стала для него не спортом, а мечтой.

Но мечта — это роскошь, которую он не мог себе позволить.

* * *

Отец умер рано. Мать работала на двух работах. Пятеро детей.

Артур был старшим.

Он бросил школу, чтобы кормить сестёр. Работал везде — грузчиком, официантом, почтальоном. Его жизнь была не про выбор, а про необходимость.

И всё же, даже после смен, даже с разбитыми руками, он находил время смотреть бои. Потому что это было единственное, что напоминало ему: он — не просто человек, который выживает.

* * *

К тридцати годам он остался один.

Сёстры выросли. Мать умерла от болезни. Дом опустел.

Он устроился на завод. Жил спокойно. Без жалоб. Без ожиданий.

Пока не встретил её.

* * *

Тэсс.

Она появилась в баре — как будто не из этого мира.

В бирюзовом платье, с тёмными волнистыми волосами, она танцевала одна, будто музыка звучала только для неё.

Артур смотрел на неё так, как когда-то смотрел на экран телевизора в детстве.

С тем же чувством.

С тем же замиранием.

* * *

Они не разговаривали почти.

Слова были лишними.

Она просто надела его шляпу — и осталась в его жизни.

А потом... исчезла.

И появилась снова — под дождём, у его дома.

И в этот раз он не дал ей уйти.

* * *

Их жизнь вместе была короткой, но настоящей.

Они жили так, будто пытались наверстать всё, что упустили:

гуляли под дождём, ходили в музеи, смотрели кино, смеялись без причины.

Артур впервые в жизни чувствовал не ответственность — а счастье.

* * *

Пока не началась война.

* * *

Вьетнам.

Газеты писали об этом сухо. Но лица погибших были настоящими.

Среди них — его знакомые.

Потом — разговор со старым другом, вернувшимся инвалидом.

И тогда Артур понял:

он не сможет жить спокойно, зная, что другие умирают.

* * *

Он принял решение.

И уже не отступал.

* * *

Тэсс не пыталась его остановить.

Она просто смотрела на него тем взглядом, который он потом вспоминал всю жизнь.

Как будто прощалась навсегда.

* * *

Война оказалась не тем, что показывают в новостях.

Это был не героизм.

Это была грязь, жара и страх.

Джунгли, которые жили своей жизнью.

Ночь, в которой невозможно было понять — ты ещё жив или уже нет.

Артур быстро понял главное правило:

здесь выживает не сильнейший — а тот, кто не теряет голову.

* * *

Он подружился с двумя солдатами.

Дэвид — молчаливый, как камень. Дэн — шумный, живой, будто пытался перекричать смерть.

Они стали его семьёй.

* * *

Первый бой он запомнил навсегда.

Колонна двигалась через узкую дорогу.

Слишком тихо. Слишком спокойно.

А потом — взрыв.

И сразу же — огонь со всех сторон.

Пули резали воздух. Земля взрывалась под ногами.

Крики.

Запах пороха.

И паника, которую нельзя было показать.

* * *

Артур действовал инстинктивно.

Тащил раненых. Прикрывал огнём. Полз по грязи, не чувствуя тела.

В какой-то момент рядом упал Дэн.

Жив. Но испуган впервые.

— Если выберешься... — сказал он, — не оставляй нас здесь.

Артур ничего не ответил.

Просто кивнул.

* * *

В тот день они выжили.

Но что-то внутри него — нет.

* * *

Спустя полтора года его ранило.

Осколок.

Рука.

Сначала он даже не понял.

Потом — боль.

Такая, что мир исчез.

* * *

Его эвакуировали.

Врачи сказали: рука больше не будет прежней.

Фактически — инвалид.

* * *

Но это его не сломало.

Его сломало другое.

* * *

Письма от Тэсс перестали приходить.

Сначала — задержка.

Потом — тишина.

Полная.

* * *

Он вернулся домой с единственным желанием — понять.

* * *

Он нашёл её.

У дома матери.

Она выглядела иначе.

Тише.

Сломаннее.

* * *

И тогда она рассказала правду.

* * *

Она не ушла к другому.

Она не разлюбила.

Она... боялась.

Но не за себя.

За него.

* * *

Каждое письмо с фронта убивало её.
Каждое ожидание ответа было пыткой.
Каждая новость о погибших — ударом.
Она жила в постоянном страхе.
И однажды поняла:
она не выдержит, если он умрёт.

* * *

Поэтому она сделала то, что казалось ей единственным
выходом.

Она “похоронила” его заранее.
Отрезала себя от него.
Чтобы не сойти с ума.

* * *

— Я выбрала жизнь без боли, — сказала она, — но поте-
ряла всё.

* * *

Артур долго молчал.
Он понимал её.
Но принять — не мог.

* * *

— Ты лишила меня права вернуться к тебе, — сказал он
тихо.

— Я воевал, думая о тебе. А ты уже решила, что меня нет.

* * *

Он не кричал.

Не злился.

Это было хуже.

* * *

— Мы могли бы пройти это вместе.

Но ты решила за двоих.

* * *

Он встал.

И ушёл.

* * *

Он больше никогда её не видел.

* * *

Прошли годы.

Дэн и Дэвид погибли на войне.

Артур сдержал обещание — их похоронили дома.

* * *

Он вернулся в школу.

Сначала просто как человек, который ищет тишину.

Потом — как охранник.

* * *

Иногда он заходил в зал, где тренировались мальчишки.

Смотрел на борьбу.

И улыбался.

* * *

Потому что где-то глубоко внутри он всё ещё был тем самым мальчиком, который впервые увидел бой и поверил, что может стать кем-то большим.

* * *

Только теперь он знал:

не каждая победа происходит на ковре.

* * *

Глава 7: Подарок Кармен

После тренировки Бенджамин едва добрался до дома. Ноги гудели так, будто в них налили свинца, плечи ломило, а каждая мышца требовала только одного — покоя.

Он тихо открыл дверь, стараясь не разбудить бабушку, которая всегда ложилась рано. Разулся у входа и на носочках поднялся в свою комнату.

Зайдя внутрь, он по привычке начал раздеваться на ходу. Снял штаны вместе с носками, толстовку и футболку бросил на стул у кровати.

Он называл это «творческим беспорядком». И в его голове в этом действительно был порядок — он всегда знал, где что лежит.

Аккуратность никогда не была его сильной стороной. Тем более сейчас, когда усталость накрывала с головой.

Он даже не поужинал.

А это уже говорило о многом.

* * *

Этой ночью ему снова приснился сон.

Тот самый.

Силуэт девушки.

Каждый раз он пытался рассмотреть её лицо... и каждый раз не мог.

Но он знал, кто это.

Кармен.

Он проснулся резко, будто его вырвали изнутри сна.

— Это самое томительное ожидание в моей жизни... —

тихо произнёс Бен.

На часах было шесть утра.

Он больше не пытался уснуть.

* * *

Утро было пасмурным.

— Надвигается дождь... — подумал он.

Открыв шкаф, Бен быстро выбрал одежду: чёрный плащевой костюм, термобельё, белые носки.

Белые носки — это было важно. Он считал, что они подходят ко всему.

* * *

Перед пробежкой он, как всегда, выпил стакан воды. Привычка, которую с детства вбила в него Долорес.

— Организм должен просыпаться правильно.

* * *

На улице он начал разминку.

И почти сразу заметил старика.

Тот шёл с палками для ходьбы, уверенно, не спеша, но с какой-то внутренней силой.

— А этот дедуля с характером... — подумал Бен.

Они встретились у турников.

— Почему вы не дома? — спросил Бен. — Погода ведь...

Старик улыбнулся.

— По той же причине, что и ты, сынок. Хочу стать сильнее.

— Но зачем?

Старик остановился и посмотрел ему прямо в глаза.

— Самое главное — соревноваться с самим собой. Быть лучше, чем вчера.

Эти слова будто врезались в Бена.

* * *

После тренировки он вернулся домой.

На кухне уже была Долорес.

— Ма, я вчера не ел, так что давай все порции мне.

— Ещё одно слово — и окажешься на ковре со мной, а не со своими мальчишками.

Он засмеялся.

И дом наполнился теплом.

* * *

Позже, помогая с мебелью, он получил «увольнение на день».

Но у него уже был план.

Сегодня он должен был увидеть Кармен.

* * *

Он долго выбирал, что надеть.

Спортивные костюмы — нет. Слишком серьёзный костюм — тоже нет.

В итоге — белая футболка, клетчатая рубашка, прямые джинсы.

Просто. Но честно.

* * *

60 долларов в кармане.

Талисман — в кошельке.

Он был готов.

* * *

Сначала — свитер.

Он долго не мог выбрать.

Пока продавщица не помогла ему.

Он выбрал бордовый свитер с медвежонком.

— Хотел мишку подарить... а тут сразу всё вместе.

* * *

Потом — цветы.

Лилии.

И старушка-продавщица сказала:

— Только настоящие мужчины идут за цветами в такую погоду.

Он промолчал.

Но внутри что-то дрогнуло.

* * *

Дождь усиливался.

Он поймал такси.

И поехал к ней.

* * *

Дом был простым.

Но для него — самым важным местом в этом городе.

Он стоял у калитки несколько минут.

Сердце билось так, будто он выходил на финал.

* * *

Дверь открыла Барбара Стоун.

Она почти не изменилась.

Та же лёгкость, та же живая улыбка, та же энергия.

Она выглядела так, будто время просто обошло её стороной.

— Бенджамин? — её голос был тёплым. — Ты так вырос...

Она обняла его.

Но, заглянув в глаза, сразу всё поняла.

* * *

Они сели.

Она принесла чай.

— У Кармен появился...

Она не договорила.

Потому что увидела машину за окном.

* * *

Ford Mustang.

Тёмный, дорогой.

Не из их мира.

* * *

Бен встал.

Он всё понял без слов.

* * *

Он вышел на улицу.
И столкнулся с Кармен.

* * *

Дождь лил сильнее.
Они стояли друг напротив друга.

* * *

— Бен... что ты здесь делаешь?

Он смотрел на неё.

И говорил.

Долго.

Честно.

Больно.

О том, как копил деньги. Как думал о ней каждый день.

Как верил.

И как ошибался.

* * *

— Больше меня тебя никто не любил...

Его голос дрожал.

— Но больше я не хочу иметь с тобой ничего общего.

* * *

Она не успела ответить.

Он ушёл.

* * *

Побежал.

* * *

По дороге он выбросил цветы.

Лилии исчезли в мусорном баке.

* * *

Кевин видел это.

И всё понял.

Без слов.

* * *

Свитер Бен отдал той продавщице.

— Он вам больше идёт.

Она всё поняла.

* * *

Дом.

Комната.

Одеяло.

Темнота.

* * *

И только одно в голове:

её взгляд.

Не тот, что сейчас.

А тот —

из детства.

* * *

Он пролежал так до утра.

Не двигаясь.

Не засыпая.

Просто переживая всё снова и снова.

* * *

Глава 8: Осенние каникулы

Осенние каникулы длились всего неделю. Обычно школьники в это время гуляли с друзьями, ходили в кино и кафе, стараясь успеть прожить эти семь дней максимально ярко.

Но у Бена были совсем другие планы.

Он сказал маме, что немного простыл после прогулки под дождём, и уже четвёртый день лежал в кровати, укутанный в одеяло. Ему не хотелось ни есть, ни спать. Тело отвыкло от движения настолько, что даже спуститься по лестнице казалось достижением.

Но дело было не в простуде.

Он не мог остыть после разговора с Кармен.

Головой он понимал — это не та девушка, с которой он видит своё будущее. Но чувства редко слушают разум. Как бы Бен ни пытался вытеснить воспоминания, они возвращались.

Ему снова и снова снился один и тот же силуэт — девушка с каре. В разных местах, в разных снах... но всегда она.

И каждое утро он просыпался с раздражением — потому что ничего не мог с этим сделать.

В одну из ночей он резко вскочил с кровати, сбросив плед на пол.

— Хватит.

Он начал перерывать ящики, вытаскивая письма, вещи,

всё, что было связано с Кармен. Складывал в пакет, не читая — потому что знал их почти наизусть.

Он помнил каждую строчку. Помнил, как представлял её лицо, когда она писала. Её улыбку. Её грусть.

И от этого становилось только хуже.

Сердце сжималось так, будто его сдавливали тисками.

Футболки, которые она подарила ему для тренировок. Ключ от замка, который они повесили на мосту. Безделушки, игрушки, мелочи — всё отправилось в пакет.

Он засунул его под кровать.

Завтра он всё выбросит.

Хотя в глубине души уже знал — не сможет.

— Тогда хотя бы в гараж... — пробормотал он, укладываясь обратно.

Перед тем как уснуть, в голове пронеслась мысль:

«Наверное, сказки придуманы для того, чтобы люди верили — простой человек может влюбиться в себя принцессу и прожить с ней всю жизнь.»

* * *

Утром в пятницу Бен впервые за долгое время спустился на кухню.

— Наконец-то, — сказала Долорес, ставя перед ним кашу.

— Я уже думала, ты решил жить в кровати.

— Всё нормально, мам. С понедельника буду как новый.

Он поел, но без привычного аппетита, и вернулся в комнату.

Когда человек ничем не занят, время летит странно быстро. Не успел он оглянуться — уже было два часа дня.

Раздался стук в дверь.

Через минуту мама позвала его вниз.

На пороге стоял Кевин.

— Я ненадолго, — сказал он. — Хотел поговорить.

Бен даже немного обрадовался.

Они вышли во двор.

Кевин сразу заметил его состояние.

— Бен, мне нужна помощь. Мы скоро переезжаем... надо кое-что перенести.

— Конечно. Сейчас выйду.

Через пару минут они уже шли по улице.

Поначалу молча.

Потом Бен заметил:

— Мы идём к площадке... Ты же в другую сторону живёшь?

Кевин усмехнулся:

— Ладно. Я соврал. Просто хотел тебя вытащить.

Бен посмотрел на него — и впервые за несколько дней улыбнулся.

— Тогда ты вовремя.

Они взяли мяч.

Кевин играл плохо. Очень плохо.

Но он и не пытался выиграть.

Он пытался вернуть Бена к жизни.

И у него получилось.

Бен играл с азартом, забыв обо всём. Когда он забил последний мяч, они пожали руки.

— У тебя талант, — сказал Кевин.

— Может быть. Но сердце у меня в рестлинге.

— Кто твой кумир?

Бен усмехнулся:

— Секрет. Но он был легендой.

* * *

На следующий день Кевин пришёл к нему домой.

Они дурачились, косили газон, смеялись.

А потом готовили.

Сэндвичи. Салат.

Простая еда, но для Бена — почти праздник.

Во время готовки Кевин вдруг стал серьёзным:

— Как думаешь... мне стоит заняться борьбой?

Бен внимательно посмотрел на него.

— Зачем?

Кевин замялся:

— Чтобы... не быть слабым.

Бен покачал головой.

— Ты не слабый. Слабый — это тот, кто сдаётся. А ты продолжаешь делать то, что любишь, несмотря ни на что.

Он говорил искренне. Медленно, подбирая слова.

О силе. О выборе. О том, что не нужно предавать себя ради чужого мнения.

И в конце сказал:

— Я рядом. И никто тебя не тронет.

Кевин не выдержал — и обнять он Бенджамина , конечно не мог, но положил руку ему на плечо и оба поняли, что это значит.

* * *

Позже они вышли прогуляться.

Уже почти у школы Кевин остановил его.

— Я видел тебя... тогда. Под дождём.

Бен замер.

— С цветами.

Тишина.

— Я не хотел говорить... но ты должен знать. Ты хороший человек. И если девушка не смотрит на тебя как на супергероя — значит, это не твоя история.

Бен задумался.

-Ты опять со своими комиксами , Кевин.

Вспомнил взгляд Кармен.

Он выдохнул.

— Спасибо.

Они попрощались.

И всю дорогу домой Бен думал только об одной фразе:

«Смотрела ли она на меня как на супергероя?»

* * *

Глава 9: Первая встреча с Мэри

Осенние каникулы пролетели слишком быстро. Настолько, что Бен даже не успел почувствовать их вкус. Но если смотреть честно — они оставили после себя больше, чем отдых. Они оставили тишину внутри.

Кармен осталась в прошлом. Не резко, не с хлопком двери — а медленно, как уходит тепло из комнаты, если забыть закрыть окно. Бен все еще цеплялся за воспоминания, но уже понимал: кроме них, ничего не осталось. Та Кармен, которую он любил, осталась где-то в детстве.

И если «повзрослеть» значит стать такой — холодной, отстраненной, — то он предпочел бы остаться ребенком.

С утра он ехал в школу с таким чувством, будто его ведут на суд. Единственное, что двигало его вперед — привычка.

Кевин ждал у входа, как всегда.

— Надеюсь, ты сделал математику? — Нам что-то задавали?

Через минуту Бен уже предлагал прогулять урок.

И они прогуляли.

* * *

Дом Кевина оказался неожиданно... пустым. Не физически — эмоционально. Слишком тихим.

— Почему у вас так... серо? — Мама постоянно на работе. Я почти не выхожу из комнаты.

И именно в его комнате Бен впервые увидел, каким может быть порядок — почти идеальным.

Но главное было не это.

Главное — рисунок.

Оливия.

Кевин, обычно собранный и спокойный, вдруг стал другим. Настоящим.

— Я наверное* * *люблю ее.... – сделал паузу Кевин.- вот* * *уже пять лет.

Бен не стал смеяться.

Он просто слушал.

И впервые задумался, что любовь может быть... тихой. Без требований. Без борьбы.

Просто — быть.

-Я тебе , конечно, не советчик , Кевин, но наверное стоит попытаться тогда сделать первый шаг.

-Я даже не знаю, Бен. Наверное если это случится как в фильме, то я осмелюсь.- Хихикнув произнес Кевин. – если я ее спасу и она будет смотреть прямо мне в глаза , то я точно буду в форме в этот миг.

Бенджамин подхватил настрой своего нового друга.

-Ловлю тебя на слове , Кевин, если такое случится и ты не будешь действовать, то я тебя не прощу.-Тряся указательным пальцем произнес Бенджамин.

* * *

Когда они вернулись в школу, всё произошло слишком

быстро.

Столкновение.

Книги падают на пол.

И она.

Мэри.

Светлые волосы, аккуратные движения, мягкий голос — и улыбка, от которой у Бена на секунду будто отключилось всё вокруг.

— Ты новенький?

Он не смог сказать почти ничего.

А потом появился он.

Логан.

Высокий, уверенный, с холодным взглядом.

— Тебя не учили не лезть к чужим девушкам?

И в этот момент что-то внутри Бена дернулось.

Но конфликт не произошёл.

Кевин увел его за руку со словами «Мы опаздываем».

-Не связывайся с ним Бен, не стоит в самом начале делать так , чтобы он со своей компанией на тебя злился , тогда нормальной жизни тебе точно не видать.

* * *

На тренировке напряжение вернулось.

И стало тяжелее.

Когда Бена вызвали на схватку — он уже чувствовал: что-то будет.

Но он не ожидал, что против него выйдет Логан.

С самого начала это была не просто борьба.

Это была охота.

Логан двигался спокойно. Хищно. Он не спешил — он ждал, пока Бен сам начнет ошибаться.

И Бен начал.

Злость затуманила голову. Движения стали резкими. Рыва-
ные.

Он пошел в проход.

Ошибка.

Контратака Логана была молниеносной.

Захват.

Рывок.

И в момент, когда Бен пытался вырваться, он услышал
это.

Глухой щелчок.

Боль вспыхнула мгновенно.

Острая. Режущая.

Нога словно перестала быть его.

Но он не отпустил.

Он продолжал бороться.

На одной силе воли.

На упрямстве.

На злости.

Но тело уже не слушалось.

Логан почувствовал это.

Поднял его.

И с силой впечатал в ковер.

Воздух выбило из груди.

Мир поплыл.

Еще секунда — и Бен оказался в захвате, из которого не было выхода.

Он сопротивлялся до последнего.

До боли.

До крика.

Но проиграл.

Впервые.

По-настоящему.

* * *

Но хуже было не это.

В раздевалке его добили.

Удары.

Холодные слова.

Унижение.

— Тебе никогда не стать чемпионом.

И вот это задело сильнее всего.

* * *

Когда он шел домой, боль в теле была ничем по сравнению с тем, что происходило внутри.

«Я правда слабее?»

«Все это — зря?»

Слезы текли сами.

Он не сдерживал их.

Не мог.

Дома он даже не переоделся.

Просто лег.

Свернулся.

Как ребенок.

Сжимая свой талисман.

— Прости... прости... прости...

Он не знал, кому говорит это.

Себе.

Или своей мечте.

* * *

Но где-то глубоко, под всей этой болью...

Что-то не сломалось.

Что-то осталось.

И это «что-то» еще напомним о себе.

* * *

Глава 10: УРОК

Бенджамин не спал всю ночь. Мысли крутились в голове, как белка в колесе, не давая ни секунды покоя. Утром он просто встал — не проснулся, а именно встал — и вышел из дома, чтобы мать не увидела его лицо. Ссадины и синяки говорили сами за себя.

Он бросил короткое «я на зарядку» и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу.

Холодный ноябрьский воздух обжигал кожу, но приводил в чувство лучше любого кофе. Велосипед он оставил дома — крутить педали в таком состоянии было бы пыткой. Поэтому он шёл пешком, медленно, чувствуя усталость не столько в теле, сколько в голове.

У школы он оказался слишком рано. Внутри было пусто, двери ещё закрыты. Бен бросил портфель у стены, сел на него и включил музыку. Мелодия потянула его за собой, убаюкала, словно тихий голос сирены. Мысли начали расплываться, и он сам не заметил, как уснул.

— Эй... малыш, вставай.

Кто-то аккуратно тронул его за плечо.

Бен резко открыл глаза и вскочил, не сразу понимая, где он.

— Извините... я... не спал ночью.

Перед ним стоял Артур.

— Вижу, — спокойно сказал он, разглядывая его лицо. — А это что?

— Да так... на тренировке.

Артур чуть прищурился. Он не поверил. Но и давить не стал.

— Ладно. Береги себя. И в следующий раз не спи на холоде — а то придётся тебе сюда матрас тащить.

В его голосе мелькнула лёгкая усмешка.

— Хорошо, сэр.

Бен слабо улыбнулся.

Через несколько минут он уже сидел внутри, на первом этаже. Казалось, что он просто моргнул — и прошло десять минут. Когда он очнулся, урок уже шёл.

Он вскочил и рванул вверх по лестнице. Сердце колотилось, дыхание сбивалось. Перед дверью он сделал пару глубоких вдохов и вошёл.

— Извините...

Учитель лишь махнул рукой:

— Садитесь на любое свободное место.

Аудитория была забита до отказа — объединённый урок. Бен протиснулся между учениками и сел ближе к доске. Ему это не нравилось — он привык прятаться на последних партах, но выбора не было.

Он открыл тетрадь. Чистые страницы. Слишком чистые.

Пальцы сами перелистнули в конец — туда, где были рисунки. Башни, пирамиды, статуи. Его маленький мир.

Он задумался, что рисовать сегодня.

И в этот момент заметил его.

Логан.

Сидел на последней парте, разговаривал с друзьями и иногда смотрел прямо на него.

Сердце резко ускорилося.

Бен сжал карандаш — тот треснул.

Рисовать расхотелось.

Он попытался слушать учителя.

Тема была — любовь.

Класс оживился. Девочки говорили с воодушевлением, парни — сдержаннее. Кто-то говорил о доверии, кто-то о чувствах, кто-то о будущем.

Бен слушал минут пять. Потом перестал. Мысли унесли его далеко — в мир, где он был пиратом, ведущим корабль через шторм к сокровищам. Аплодисменты выдернули его обратно.

Он поднял голову — и встретился взглядом с учителем.

— Уилсон. Ваша очередь.

Бен вздохнул.

— Я думаю, что любовь... сильно зависит от выгоды. Чем больше у тебя есть — тем лучше ты выглядишь в глазах другого человека. И наоборот. Если у тебя ничего нет — твои плюсы становятся сомнительными. А минусы — огромными.

— Я не согласна, — раздался тихий голос.

Бен повернулся.

Это была она.

— Люди разные. Нельзя всех под одну гребёнку.

— Хорошо, — Бен чуть усмехнулся. — Я не читал множество книг, но прочитав парочку увидел, что во во всех любовных завязках все циклично, * * * одну из таких книг я * * * запомнил хорошо, эта книга «Мартин Иден». Пока он был никем — она его ломала. Как только стал известным — всё резко стало нормально. Совпадение?

Пауза.

— Назови хотя бы один случай, где было иначе.

Девушка сжала пальцы.

— Моя мама.

Голос дрогнул.

— Она любила моего отца просто так.

Тишина.

— И ты не прав. Ты просто... не видел по-другому.

Глаза наполнились слезами.

— Извините...

Она вскочила и выбежала.

Бен замер. «Зачем я вообще это сказал...»

Он сорвался с места и вышел в коридор.

Но не успел сделать и пары шагов.

— Уилсон!

Логан.

— Ты что, совсем не понимаешь?

Он подошёл вплотную.

— Я сказал тебе — не лезь к ней.

— А ты кто такой, чтобы мне указывать? — устало ответил Бен.

Толпа начала собираться.

— Я объясняю по-хорошему.

— А если по-плохому?

Пауза.

Удар.

Резкий, тяжёлый. Мир вспыхнул. Бен отшатнулся, но устоял.

— Всё? — прохрипел он.

Логан рванул вперёд, пытаясь сбить его с ног. Они сцепились — не драка, а борьба, глухая и злая. Врезались в людей, но будто не замечали этого.

— Разойдитесь! — кричали учителя.

Никто не вмешивался.

Логан дожал. Свалил его на пол. Сел сверху, придавив рёбра. Боль прошла тело. Бен попытался вырваться — бесполезно.

Логан занёс руку.

Но её перехватили.

— Хватит.

Артур.

Тишина накрыла коридор.

— Встали.

Они поднялись.

— Хотите драться — будете. Но не здесь. Чемпионат. Там и разберётесь. До этого — ни шага друг к другу. Нарушите — вылетите оба.

Пауза.

— Руки.

Они пожали.

Сильно. Слишком сильно.

Это было не примирение. Это была отсрочка.

Бен отошёл, держась за рёбра.

— Бен... ты как?

Кевин.

— Нормально.

— Да ты еле идёшь—

— Ты можешь всё это исправить?

Кевин замер.

— Что?

— Вернуть всё назад? Сделать, будто этого не было?

Пауза.

— Тогда не надо, — устало сказал Бен. — Просто не надо.

Кевин сжал ремень рюкзака.

— Я же не враг тебе...

Бен молчал.

— Ладно. Понял. Больше не буду лезть.

Он развернулся и ушёл.

И в этот раз больно стало уже не только Бену.

Бен вышел из школы. Внутри было пусто и тяжело. У лавочки стояла она.

— Извини... — сказал он. — Я не хотел.

— Всё нормально, — тихо ответила она. — Это я не ожидала...

Она сглотнула.

— Логан не мой парень.

Бен удивился.

— Он просто... не понимает отказов.

Пауза.

— И... я правда не хотела, чтобы тебе досталось.

Бен посмотрел на неё.

— Всё нормально.

Он развернулся и ушёл.

Дома никого не было. Он быстро поел, потом нашёл тотальный крем и попытался замазать синяки. Получилось криво, но лучше, чем ничего.

Он вышел снова.

Бродил по улицам, пока не оказался у автомастерской.

— Я занят! — гаркнул Скотт.

— Я не по этому... — сказал Бен.

Короткий разговор. Отказ.

Бен уже уходил.

И в этот момент Скотт сорвался в яму.

— Чёрт—

Бен рванулся и успел. Схватил. Удержал.

Через несколько минут они сидели молча.

Скотт сделал глоток пива.

— Ладно, — хмыкнул он. — Сегодня поработаешь.

Работа была простой, но Бену понравилось. Он быстро освоился, делал всё аккуратно, слушал внимательно. Когда всё закончилось, он даже убрал мастерскую — собрал мусор, разложил инструменты.

Скотт, проснувшийся от скрипа двери, огляделся и хмыкнул:

— Ну ты даёшь...

Бен умылся, накинул рюкзак.

— Я пойду?

— Иди, — кивнул Скотт. Потом окликнул: — Как тебя зовут?

— Бенджамин.

— Тогда приходи завтра после обеда. Работы хватит.

Бен вышел.

На душе стало легче.

Он шёл и вдруг увидел узкую тропинку. Она ввела к деревьям. Он свернул.

Тропа вывела его к озеру.

Там стояла лавочка.

Он подошёл, сел, вытянул ноги и откинулся назад. Вода тихо колыхалась, отражая закат. Ветер шёл с озера, свежий, прохладный.

Он надел наушники.

Закрыв глаза.

Впервые за долгое время внутри стало тихо.

Не пусто.

А спокойно.

Он открыл глаза.

Солнце медленно уходило за горизонт.

«Странно... — подумал он. — Утром хотелось исчезнуть...»

Он сделал глубокий вдох.

И просто сидел.

Жил этим моментом

* * *

Глава 11:Бабушка

Дома Бенджамин скрыл побои и ссадины — не хотел ни лишних вопросов, ни жалости. Вторая половина дня показала ему даже удачной. Утреннюю зарядку он не бросал: привычка въелась под кожу, и без неё день шел наперекосяк. Борьбу он отложил, в школу заходил лишь на самые нужные уроки, после которых спешил в мастерскую к Скотту. Турнир и Логан перестали что-либо значить. «Пусть забирает все медали, лучше он от этого не станет», — думал Бен.

В мастерской у него началась новая жизнь. Скотт, заметив усердие мальчика, взялся учить его по-настоящему: двигатель, коробка передач, сцепление, приводы, подвеска, тормоза — дисковые и барабанные, охлаждение, смазка. Он объяснял и сразу заставлял повторять, будто гнал ученика по ускоренной программе. Бен жадно впитывал знания, как губка воду, иногда упрасивая задержаться ещё на несколько минут. Для него эти недели стали одними из самых плодотворных, для Скотта — одними из самых тёплых. В суровом человеке, привыкшем к пьяницам и бездельникам, вдруг нашлось место спокойствию: рядом с Беном он словно оттаивал.

В тот день Бен освободился раньше — Скотт спешил по делам и не позволил работать одному. — Иди домой, поешь,

отдохни, — проворчал он по-доброму. — И завтра чтобы в школе был. Дай слово. — Да, сэр, — нехотя ответил Бен, пожимая протянутую руку. — Вот и славно. После обеда жду — будем мотор разбирать.

Поздняя осень уже дышала зимой. Ветер пробирал до костей, и Бен натянул шапку, но привычный маршрут не изменил. Он свернул к своей «волшебной» лавочке у озера. Там он всегда садился, надевал наушники, откидывался назад и, закрыв глаза, позволял мыслям раствориться. Холодный воздух обжигал лёгкие, но внутри становилось тихо.

Он не заметил, как рядом кто-то появился. Открыв глаза, Бен увидел сначала голубые туфельки, потом клетчатое платье, белую рубашку, тонкие руки на коленях. Девушка сидела спокойно, словно часть этого места.

Подняв взгляд, он замер: нежные черты лица, светлые волосы, голубые глаза — как отражение озера. Внутри всё словно залило расплавленным металлом: ни слова, ни движения.

— Я не думала, что встречу здесь кого-то, — тихо сказала она. — Это место со мной с детства. Мы приходили сюда с родителями... пока мамы не стало. Теперь я прихожу за всех нас. И рада, что ты тоже это видишь.

Бен хотел ответить, но слова застряли. Он лишь слушал,

чувствуя, как от её голоса становится теплее, чем от любой одежды.

— Если хочешь, можем послушать музыку вместе, — робко предложила она.

Он поспешно достал плеер, протянул ей наушник. Девушка улыбнулась, вставила его, а Бен, растерявшись, начал метаться по трекам.

— Оставь любой, — сказала она. — Пусть выберет сам.

Заиграла песня, которую он когда-то скачал для матери. Они сидели плечом к плечу, и провода от наушников казались нитями, связывающими их. Девушка закрыла глаза, едва заметно покачиваясь в такт. Бен тоже закрыл глаза — и в холодном вечере вдруг почувствовал лето. Словно души их поднялись выше облаков, оставив тела на земле.

— Это было красиво, — сказала она, снимая наушник. — Мне пора. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— Да... — только и смог ответить он.

Она сделала несколько шагов, потом остановилась. — Мэри, — произнесла, не оборачиваясь полностью. — Ты тогда

спрашивал. Меня зовут Мэри.

И ушла. А Бен остался, словно его только что выдернули из сна. Он долго сидел, пытаясь поверить, что всё это было наяву. Потом медленно пошёл домой, слушая уже не музыку, а её голос, звучащий в памяти.

Дома его ждал неожиданный ужин — скромный, не по-матерински. Он позвал маму, но вместо неё вошла бабушка. Бен тут же вскочил, помог ей сесть.

— Ты всё больше похож на дедушку, — сказала она, глядя на него с теплом. — И глазами, и сердцем.

Он улыбнулся, по-детски, с набитым ртом. — Мама в больнице, с анализами разбирается, — продолжила бабушка. — Вот я и решила вспомнить молодость. Наешься? — Конечно, ба. У тебя всегда вкуснее любого ресторана. Он помолчал и спросил серьёзнее: — С анализами всё хорошо? — Конечно. С таким внуком иначе быть не может.

Немного погодя он спросил: — Почему ты не переехала к нам?

Бабушка вздохнула, улыбнулась: — Тогда слушай.

Они устроились в комнате, и она начала рассказ.

Она вспомнила, как в детстве переехала в маленький посёлок, где все знали друг друга. Однажды, раздражённая жарой, она открыла дверь мальчику, принёсшему молоко, грубо, без приветствия. Но он ответил вежливо, спокойно. Кудрявый, с ясными глазами — Томми. С тех пор он приходил регулярно, а она, сама того не замечая, ждала этих встреч.

Они учились вместе, сидели за одной партой. Она язвила, он отвечал мягко. Со временем он стал её опорой: помогал с уроками, поддерживал после ссор, даже после первой несчастной любви. На выпускном он снова стоял у её двери — как много лет назад.

Потом были прогулки, разговоры, редкие, но искренние свидания. Томми не умел громких слов, но его поступки говорили за него. Предложение он сделал под дождём — просто, прямо, от сердца. И она согласилась.

Они жили скромно, но счастливо. Потом пришла война, и Томми ушёл. Она ждала его, молилась, жила надеждой. Пять лет. И он вернулся — другим, но тем же. Они снова были вместе, строили дом, мечтали.

Детей долго не было. Но однажды родилась Долорес — в

Рождество. Это стало для неё чудом.

Потом болезнь. Рак. Томми держался до конца, поддерживая её даже тогда, когда самому было больно. И ушёл тихо, во сне.

— Я осталась здесь, потому что здесь он, — тихо закончила она. — В этом доме, в каждой доске. Я не одна.

Слёзы катились по её щекам, но в них было не горе — светлая память.

— Такая любовь бывает раз на миллион, — прошептал Бен. — Нет, — мягко ответила она. — Просто люди ищут её далеко, а она рядом.

Он поднял голову: — Можно я тоже буду говорить «Добрый вечер, мисс»? Она улыбнулась, коснулась его щеки: — Конечно. Ты ведь его частичка.

Бен улёгся, положив голову ей на колени, и вскоре уснул. Она продолжала гладить его волосы, пока сон не сморил и её.

Поздно вечером вернулась Долорес.

Вбежав в дом, она замерла на пороге комнаты: сын спит у бабушки на коленях, та дремлет, всё ещё глядя его. Долорес

улыбнулась сквозь слёзы, приложила палец к губам, когда бабушка заметила её, и тихо ушла.

Дом дышал покоем. И этот день стал одним из самых тёплых в новой жизни Бенджамина.

* * *

Глава 12: Подготовка к свиданию с Мэри

На следующее утро Бен проснулся уже в своей кровати. Он не помнил, как ночью Долорес разбудила его и попросила подняться наверх — у неё уже не было сил делать это самой, как раньше. Он не помнил самого момента, но знал: всё произошло именно так.

Утро прошло привычно — зарядка, завтрак, дорога в школу. Подъезжая к зданию, Бен вспомнил своё обещание Скотту — приходить по утрам.

Он поморщился.

«Я ведь обещал только приходить... не на уроки», — мелькнуло у него в голове.

И эта мысль неожиданно подняла настроение.

Через несколько минут он уже бродил по школе, а к началу урока устроился в младших классах, чтобы спокойно «переждать» занятия. По дороге он купил булочки и молоко — свой второй, как он любил говорить, заслуженный завтрак.

Он ел быстро, почти жадно, не отрывая взгляда от дверей: если кто-то выйдет — успеть спрятаться.

— Приятного аппетита, Бенджамин.

— Спасибо, — автоматически ответил он.

И только через секунду замер.

Медленно повернул голову.

Строгий костюм. Спокойный взгляд.

Артур Цопсон.

Бен зажмурился и заговорил быстрее, чем подумал: — Извините, я просто не успел позавтракать... решил перекусить и сразу пойти на урок...

— Завтрак — это хорошо, — спокойно ответил Артур. — Даже самый важный приём пищи. Но и уроки пропускать не стоит.

Он сделал паузу.

— Я вижу тебя впервые в такой ситуации. Поэтому... давай забудем. Но чтобы больше такого не повторялось. Договорились?

— Да, сэр.

Они остались сидеть рядом. Бен не мог просто продолжить есть, будто ничего не произошло. Артур тоже не спешил уходить.

— Сэр... а вы завтракали? — наконец спросил Бен.

— Нет. Проспал.

Бен немного помолчал, затем протянул ему булочку: — Тогда давайте вместе. А то пропадут.

Артур удивился — и принял.

Они ели вдвоём, передавая друг другу молоко, стараясь не шуметь. В какой-то момент Артур даже засмеялся, узнав, что все булочки Бен купил только для себя.

— У тебя отменный аппетит, малыш.

— Все так говорят, — смущённо ответил Бен.

После еды Бен быстро собрал мусор, но Артур остановил его:

— Присядь. Этот урок можешь пропустить.

Бен сел.

Артур некоторое время молчал, потом заговорил — медленно, будто вспоминая.

Он рассказал о детской мечте стать борцом. О том, как смотрел бои по телевизору у соседа. Как представлял себя на пьедестале.

И о том, как ничего не получилось.

— Я не жалею, — тихо сказал он. — Но каждый день перед сном я представляю, как поднимаюсь на пьедестал.

Он повернулся к Бену.

— Запомни одну вещь. Когда тебе будут вручать медаль... представь не её. Представь путь. Всё, через что ты прошёл.

Он сглотнул.

— Люди плачут не из-за золота. А из-за того, что они выдержали. И знаешь... есть тысячи тех, кто не выиграл. Но они прошли тот же путь. Они не хуже.

Он слегка похлопал Бена по плечу.

— Главное — не победа. Главное — путь.

И ушёл.

А Бен ещё долго сидел, глядя в одну точку.

«Главное — путь...»

Эти слова застряли в нём глубже, чем он ожидал.

* * *

За следующую неделю Бен изучил школу досконально. Он знал, какие учителя проверяют домашнее задание, а какие — нет. Знал, на какие уроки можно не ходить, а какие лучше не пропускать.

Он был способным — просто тратил ум не туда.

Декабрь окончательно вступил в свои права. Город покрылся снегом, деревья — инеем. Всё вокруг стало тихим и красивым.

Бен не любил зиму, но в тот день, глядя на улицы, вдруг подумал:

«Ради такого можно и потерпеть».

В школе он почти снова свернул к выходу — прогулять урок. Но его остановил голос:

— Уилсон, стой.

Мисс Браун.

Ей нужна была помощь с декорациями. Огромное дерево оставалось в машине.

— Поможешь — отпущу с занятий.

Этого было достаточно.

Бен снял куртку, схватил дерево и вынес его в одиночку, не дав никому даже помочь. Он торопился — скорее избавиться и уйти.

— Куда ставить?

Мисс Браун отвлеклась, оглядывая зал.

И в этот момент прозвучал голос:

— Мисс Браун, куда поставить цветы?

Бен замер.

Он узнал голос, но не поверил.

Повернулся.

И в ту же секунду дерево соскользнуло у него с рук, ударив его веткой.

Мэри.

Она выглядела иначе — короткие волосы, белый ободок. Но именно такой он видел её во снах.

И вдруг всё встало на свои места.

Он заметил её не недавно.

Он заметил её сразу.

Просто не позволял себе это понять.

Он стоял, растерянный, пока мисс Браун брала его номер. Пока Мэри улыбалась. Пока он окончательно не запутался в собственных действиях.

И в итоге — сбежал.

* * *

В боксе Скотт всё понял без слов.

— Ты влюбился.

Бен попытался возразить — но не смог.

Скотт усмехнулся и рассказал ему про правило трёх «П»: Поздороваться. Порадовать. Пригласить.

— И у тебя три дня, — добавил он. — Или ты это делаешь... или нам не по пути.

Это прозвучало жёстко.

Но Бен понял: иначе он не сможет.

* * *

На следующий день он встал раньше будильника.

Он мылся дольше обычного, перебрал все гели и шампуни, какие нашёл. Выбирал одежду так, будто от этого зависела вся его жизнь.

И, по сути, так и было.

Он решил: подойдёт после уроков.

Ждал.

Смотрел на выход.

И... не смог.

На второй день — ещё шанс.

Он почти подошёл.

Но сначала появилась её подруга. Потом его остановил учитель.

Снова не получилось.

«Наверное, не судьба», — подумал он.

На третий день он сдался.

* * *

После уроков он шёл к выходу, не поднимая головы. Уже продумывал, что скажет Скотту.

И вдруг — толпа.

Все собрались поздравлять школьного президента — Нолана Гарфилда.

Бен не любил такие места, но подошёл.

И через минуту — торт, предназначенный Нолану, ока-

зался у него на лице.

Тишина.

Никто не смеялся.

И от этого было только хуже.

Сердце колотилось. Внутри всё сжалось.

Он развернулся и побежал.

* * *

На лестнице он нервно завязывал шнурки.

— С тобой всё в порядке?

Он поднял голову.

Мэри.

И в этот момент всё совпало.

— Значит, вместо Нолана сегодня ты именинник? —
улыбнулась она.

— Нет... просто очень хотел есть.

Она засмеялась.

И в голове вспыхнуло:

«Правило трёх П».

Он закрыл глаза.

— Мэри... пойдёшь со мной завтра вечером?

Пауза.

Секунда.

— Да. С радостью.

У него будто перехватило дыхание.

— Тогда... в шесть, у гольф-клуба.

— Хорошо.

Он попытался уйти — и перепутал дверь.

Она сделала вид, что не заметила.

Но потом догнала его.

Провела пальцем по его щеке, собрала крем от торта...
попробовала.

— Вкусно, — улыбнулась она. — Можешь не смывать. На свидании пригодится.

Она посмотрела на него снизу вверх — чуть дольше, чем нужно.

— До завтра, Бен.

— До завтра...

Он остался стоять.

С дрожащими руками. С бешено бьющимся сердцем. С ощущением, что только что произошло что-то важнее всего, что было раньше.

Он смог.

* * *

Глава 13: Скотт

По пути к боксу Скотта Бен был почти счастлив. Новость, которую он собирался рассказать, пульсировала внутри — он уже видел, как Скотт поднимет бровь, как усмехнётся, как скажет что-нибудь едкое, но тёплое.

Он ждал этого момента.

Но радость не была чистой.

Где-то под ней жило другое чувство. Тяжёлое. Настоячивое.

Оно росло постепенно — не как удар, а как давление. И теперь уже не отпускало.

Борьба.

С тех пор как он перестал тренироваться, внутри будто сбился ритм. Внешне всё осталось прежним — школа, работа, разговоры. Но ощущение правильности исчезло. Будто он сошёл с нужной дороги и продолжает идти, делая вид, что так и было задумано.

Он начал замечать: он избегает всего, что напоминает о ковре. Работа стала убежищем. Усталость — оправданием. Любая занятость — способом не думать.

Но мысли всё равно возвращались.

И каждый раз били сильнее.

Раньше слово «борьба» зажигало в нём будущее. Теперь — вызывало сжатие в груди.

Самое страшное — не страх проиграть.

Страх не вернуться.

И с каждым днём этот страх звучал всё убедительнее.

Пол Уайт уже знал о конфликте. И Бен слишком хорошо понимал: его туда не пустят. Не потому что он слаб. А потому что он — лишний. Потому что есть Логан. Потому что есть ставки.

Потому что его уже вычеркнули.

От этой мысли внутри поднималась злость. Но не наружу — внутрь. Она не давала двигаться, а только давила.

Он убеждал себя, что ему ничего не нужно. Ни признания. Ни уважения. Ни чьего-то одобрения.

А то, что стояло за ней.

В его движениях не было игры. В его взгляде — попытки понравиться. Он не пытался быть лучше, чем есть.

И, возможно, именно это и выбило её из равновесия.

Он был настоящим.

Настолько, что это даже пугало.

Она привыкла к вниманию. К уверенным словам. К мальчикам, которые знали, что говорить и как себя вести.

Но рядом с ним всё было иначе.

Там не было заготовленных фраз.

Зато было что-то живое.

Непредсказуемое.

И когда он запинаясь, терялся, отводил взгляд — ей не хотелось смеяться.

Вместо этого внутри возникало странное, почти забытое чувство.

Будто она уже когда-то это видела.

Слышала.

Чувствовала.

Она невольно вспомнила отца.

То, как он, рассказывая о матери, иногда запинаясь, терял нить мысли, улыбался сам себе, будто снова видел её перед собой.

Как в его голосе всегда появлялась мягкость, которой не было ни в одном другом разговоре.

Как он говорил простые вещи — но в них было больше, чем в самых красивых словах.

И Мэри вдруг поймала себя на том, что ощущение рядом с Беном было... похожим.

Не таким же.

Но близким.

Не воспоминанием.

Скорее — эхом.

И именно это окончательно лишило её спокойствия.

Потому что такие вещи не придумывают.

Они либо есть — либо нет.

И в какой-то момент она поймала себя на мысли, которая испугала её больше всего:

если он исчезнет — ей будет не всё равно.

Слишком рано для таких мыслей.

Слишком.

Она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, но тепло внутри только усилилось.

Мэри не влюбилась в первого встречного.

Она просто встретила человека, в котором, сама того не осознавая, узнала то, во что верила с самого детства.

И теперь ей хотелось понять только одно.

Это начало — или всего лишь совпадение.

Глава 14: Свидание с Мэри

-Привет, наконец-то ты пришла, а то тут такие морозы, что даже Санта-Клаус мог бы простыть...»

-Привет, как у тебя дела? Тут так холодно, что вместо гольфа мы можем играть в хоккей...»

-Привет, Мэри, ты сегодня так прекрасно выглядишь...»

* * *

Это были не просто варианты — это была полноценная репетиция перед зеркалом. Бен пытался представить её рядом, но на фразе про то, какая она красивая, покраснел даже глядя на своё отражение. Эту реплику он решил оставить «на потом» — когда станет хоть немного увереннее.

* * *

Получалось у него, впрочем, неплохо — при желании он бы легко получил роль в школьной постановке. Но, поймав себя на этом, он постучал по лбу:

* * *

— Что ты делаешь, Бен? Совсем уже поехал...

* * *

И остановился.

* * *

* * *

* * *

К обеду он вернулся из школы, даже не заметив, как про-

шёл день. Мысли были заняты только встречей.

* * *

После еды и короткого сна начались сборы. Как и всегда в такие дни — комната быстро превратилась в хаос. Через полчаса там можно было спрятать всю его команду по борьбе.

* * *

На улице стоял мороз, но Бена это волновало меньше всего. Он одевался не по погоде — по впечатлению.

* * *

Тёмно-синие джинсы, белая футболка, синий вязаный свитер, лёгкий пуховик.

С шапкой — проблема. Чёрную он не нашёл, и после долгих поисков пришлось надеть спортивную с бубоном.

* * *

Он поморщился, но решил: придёт раньше — снимет.

* * *

* * *

* * *

Вчера выпал снег. Солнце отражалось от сугробов так ярко, что резало глаза.

Деревья стояли в белых шапках, по углам — снеговики.

* * *

Бен глубоко вдохнул.

* * *

Впервые за долгое время он действительно почувствовал

зиму.

* * *

Раньше мысли мешали видеть простые вещи. Но сегодня всё обострилось — звук, свет, воздух.

И он поймал себя на мысли:

* * *

«Счастье всегда где-то рядом. Надо просто не упускать его».

* * *

Он запомнил это.

* * *

* * *

* * *

У входа в «Пэтти гольф» Бен ждал, как часовой. Он заранее приготовился к тому, что Мэри может опоздать.

* * *

Здание было огромным — четыре этажа, стекло, неон. Оно выглядело так, будто немного опережает своё время.

* * *

— Правда, красиво? — раздалось рядом.

* * *

— Да... — машинально ответил он, не отрывая взгляда.

* * *

И только через секунду понял.

* * *

Он резко повернулся.

* * *

Мэри стояла рядом, тоже глядя вверх. В её голубых глазах отражался неоновый свет.

* * *

Бен замер.

* * *

Сердце ударило в виски. Дыхание сбилось.

* * *

— Привет... я... не заметил, как ты подошла.

* * *

— Ничего, — улыбнулась она. — В первый раз я сама стояла так же. Папа даже челюсть мне закрывал.

Он улыбнулся — но понял, что улыбается не из-за шутки. А просто потому, что она рядом.

* * *

— Ты сегодня прекрасно выглядишь.

* * *

Фразу он всё-таки сказал. Но вторую часть — нет.

* * *

— Спасибо, Бенджамин, — мягко ответила она. — Твой стиль мне всегда нравился. Но сегодня — особенно.

* * *

— Почему?

* * *

— Из-за шапки.

* * *

Он замер.

Резко снял её:

* * *

— Это потому что свою не нашёл...

* * *

— Тогда это точно судьба, — тихо сказала она. — Иначе я бы её не увидела.

* * *

И он вдруг понял — всё нормально.

* * *

* * *

* * *

Он окинул её взглядом.

* * *

Белое длинное пальто, мягкое, почти воздушное. Голубой свитер, светлые джинсы, аккуратные ботинки.

Золотые волосы с лёгкими завитками, припорошённые снегом.

Серебряные серьги-звёздочки.

Лёгкий макияж.

* * *

Она выглядела... естественно красиво.

* * *

— Идём? — спросила Мэри.

* * *

Он спохватился.

* * *

— Да... давай.

* * *

И, чтобы скрыть смущение, пошёл чуть впереди:

* * *

— Пойдём быстрее, пока всё не разобрали.

* * *

Она заметила это — и вместо неловкости почувствовала тепло.

* * *

Искренность.

* * *

* * *

* * *

Внутри они остановились.

* * *

«Пэтти гольф» оказался ещё лучше, чем снаружи.

Полумрак, неон, мягкая музыка, уют.

* * *

— Я забыла, как тут красиво... — тихо сказала Мэри.

* * *

— Ты умеешь играть? — спросил Бен.

* * *

— Немного. Но я буду поддаваться.

* * *

— У меня талант, — усмехнулся он.

* * *

— Посмотрим.

* * *

* * *

* * *

Они взяли клюшки и прошли в первый зал — гавайская тема, джунгли, водопад.

* * *

Бен был в восторге.

* * *

Он занял позицию.

Сосредоточился.

Замахнулся.

* * *

И... промахнулся.

* * *

С такой силой, что его самого закрутило — и он рухнул на газон.

* * *

Мэри подбежала:

* * *

— Бен, ты в порядке?

* * *

Он лежал несколько секунд.

* * *

А потом расхохотался.

* * *

— Я хотел легендарный удар... но получилось легендарное падение.

* * *

Она сначала замерла.

* * *

А потом тоже рассмеялась.

* * *

— Дурак... я испугалась.

* * *

— Значит, эффект есть.

* * *

* * *

* * *

Мэри взяла клюшку.

* * *

Движения — плавные, точные.

Удар.

* * *

Мяч идеально прошёл по дорожке и улетел вперёд.

* * *

Бен присвистнул:

* * *

— Ты серьёзно?

* * *

— Я же говорила.

* * *

Она улыбнулась — немного смущённо.

* * *

— Мы часто приходили сюда с папой... почти каждую неделю.

* * *

Её голос стал тише.

* * *

— Но потом... ему стало тяжело. Он водил сюда маму.

* * *

Пауза.

* * *

— И я поняла, что ему больно возвращаться сюда.

* * *

Она смотрела будто сквозь него.

* * *

И вдруг по щеке скатилась слеза.

* * *

* * *

* * *

Бен замер.

* * *

Он не ожидал этого.

* * *

И впервые за весь день не знал, что сказать.

* * *

Бен в ту же секунду хотел сказать, как ему неудобно и что он не хотел, чтобы Мэри вспоминала вещи, которые заставляют её грустить. Но едва он собрался, Мэри быстро вытерла горячую слезу и улыбнулась.

* * *

— Бен, всё хорошо. У меня иногда такое бывает, ты правда не виноват. Даже не думай об этом, ладно? — она посмотрела ему прямо в глаза.

* * *

Говорят: «Красота в глазах смотрящего». И Бен, увидев её голубые глаза, ещё влажные от слёз, и мягкий взгляд, подумал, что будь он хоть полководцем многотысячного войска — он бы сразу сложил оружие, стоило бы ей только попросить.

* * *

— Хорошо, — с трудом выдавил он, будто застыл, как статуя, поражённый искренностью своей соперницы по мини-гольфу.

* * *

— А теперь я научу тебя, как бить, чтобы ты не улетел на этаж выше после удара, — деловым тоном сказала Мэри, сразу улыбнувшись. — Думаю, у тебя получится.

* * *

— Я настроен серьёзно, весь во внимании.

* * *

Она встала рядом и показала стойку:

«Ноги чуть согнуты, плечи расслаблены», — объясняла Мэри, показывая движения и заставляя его повторять. Через время у Бена стало получаться ровнее бить по мячу, и даже иногда закатывать его в лунку — пусть и с близкого расстояния.

* * *

— Ты хороший учитель, Мэри, — похвалил он, доставая мяч.

* * *

— Нет, это ты хороший ученик, — смущённо ответила она, разглаживая свитер.

* * *

— Тогда предлагаю сыграть по-настоящему. А то ты заскучаешь. Мне не впервой быть аутсайдером. Я не проиграю.

* * *

— А если проиграешь?

* * *

— Тогда исполню одно твоё желание.

* * *

— Хорошо. Только не обижайся, если я наряжу тебя в платье из школьного спектакля, — улыбнулась она.

* * *

— Тогда мне ничего не остаётся кроме победы. Начинаем.

* * *

Обычно гости играли по стандартным правилам, но они выбрали свои. Мэри объяснила:

* * *

— Здесь три этажа. Чтобы не убежать друг от друга, сыграем три партии. Даже если счёт будет 18:0, мы всё равно перейдём дальше.

Каждый уровень — с нуля. Если я выиграю дважды — техническая победа моя. Третий раунд — просто для души.

* * *

Она добавила, что придумала это в детстве, чтобы сильные игроки не уходили далеко и не оставляли её одну.

* * *

Бен, слушая её голос, сказал почти машинально:

* * *

— И мне тоже не хочется без тебя играть.

* * *

Осознав сказанное, он отвёл взгляд:

* * *

— Давай начинать, пока не пропал запал.

* * *

Мэри смутилась, но быстро собралась. Их наблюдали взрослые игроки неподалёку — искренность момента привлекла внимание.

* * *

Бен сделал первый удар — неожиданно удачно, мяч ушёл к водопаду.

* * *

— Для первого раза неплохо, — подметил он. — Дам тебе

фору.

* * *

— Как благородно, сер, — подыграла Мэри.

* * *

Она ударила почти идеально: клюшка чуть соскользнула, но мяч ушёл по траектории и через водопад вылетел к лунке.

* * *

— Неплохо для первого раза, — засмеялась рядом Стэйси, низкая женщина в ярком розовом костюме, известная на поле своим мастерством. — Похоже, борьба у вас интереснее, чем у меня с моим тормозом. Твоя очередь.

* * *

Мэри кивнула и вернулась к игре. Стэйси продолжала шутить:

* * *

— Смотри, жениха-то себе нашла.

* * *

— Он просто друг, — смущённо ответила Мэри.

* * *

— Ну да, ну да... я тоже «просто играла в гольф» двадцать лет назад, — рассмеялась женщина.

* * *

Тем временем Бен, собравшись, снова ударил. Получилось лучше, чем ожидал.

* * *

— Похоже, ты уже увлёкся, — заметила Мэри.

* * *

— У меня хороший учитель.

* * *

— Тогда я покажу, как играют по-настоящему.

* * *

Она за два удара закатила мяч. Спокойно хлопнула Бена по плечу:

* * *

— Думаю, я уже выбираю желание.

* * *

Бен только сильнее загорелся. Игра превратилась в настоящую гонку. Он догонял её изо всех сил, она держала темп. Иногда они делали паузы, чтобы выпить воды и перевести дух, но напряжение не спадало.

* * *

Бен отставал на две лунки и пытался сократить разрыв. Мэри уже подошла к последней лунке первого уровня.

* * *

— Неплохо для первого раза, — сказала она.

* * *

— Просто у меня хороший учитель.

* * *

После обмена улыбками он быстро закатил свой мяч и поспешил к девятой лунке.

* * *

Мэри спокойно готовилась к финальному удару. Она хо-

тела закончить уровень идеально. Бен наблюдал, как она сосредоточенно выстраивает стойку.

* * *

В этот момент рядом у неё был полный покой. Лёгкий мандраж, который она давно не чувствовала, вернулся — но не мешал, а делал игру живой.

* * *

Удар вышел точным. Мяч прошёл по дорожке, вышел из водопада и закатился в лунку.

* * *

Мэри радостно захлопала.

* * *

— Я уже думаю над желанием, — улыбнулась она.

* * *

Бен смотрел на неё и думал: «Я готов проигрывать ради такой улыбки».

* * *

Они пожали руки — первый раунд за Мэри.

* * *

Второй уровень был оформлен как вулканический мир: красные оттенки, декорации лавы и потоков огня. Бен даже подпрыгнул, приняв декорации за настоящие.

* * *

— Хорошо, что ты не прыгнул ко мне, — улыбнулась Мэри.

* * *

— Я бы попробовал, если бы это было по-настоящему, — засмеялся он.

* * *

Игра продолжилась. Теперь всё становилось серьёзнее, но между ними сохранялась лёгкость, которая делала соперничество чем-то большим, чем просто счёт.

* * *

Второй этап погрузил ребят в атмосферу еще сильнее, чем первый. С каждым уровнем сосредоточиться становилось труднее: реалистичность декораций буквально перетягивала внимание. Казалось, они идут по доисторическому ландшафту — вокруг вулканы, пещеры, лавовые потоки, а дорожки петляют между дымящимися кратерами, как тропы на Марсе.

* * *

Каждая лунка превращалась в отдельное приключение: мяч мог сорваться в жерло вулкана или пройти по мосту над бурлящим потоком. Атмосфера напоминала парк юрского периода — за каждым поворотом будто ждал динозавр.

* * *

— Я уже боюсь, что нас ждет дальше, — вслух сказал Бен, рассматривая вулканы.

— Это потрясающе, Бен, — ответила Мэри, чьи глаза отражали алое свечение зала.

* * *

Она шла чуть позади. Когда Бен обернулся, он увидел, как

её светло-голубые глаза, обычно прозрачные, теперь переливаются оттенками огня. Он на секунду потерялся.

* * *

— Ты что-то хотел спросить? — мягко вернула его в реальность Мэри.

— А? Да... да, — спохватился он. — Покажешь мне лунки? Хочу понять, как они устроены.

— Конечно. Пойдем, я сама заодно вспомню, — сказала она и пошла вперед.

Бен задержался на секунду, глубоко вдохнул, будто стряхивая с себя наваждение, и последовал за ней.

* * *

На втором этаже людей было меньше — сюда доходили уже те, кто прошел первый уровень. Новички оставались внизу, упрямо пытаясь закончить начальный этап.

* * *

Начинал Бен. Он уже уловил механику игры, движения стали автоматическими. Теперь в голове оставалось только одно — желание отыгаться.

* * *

Азарт не спадал ни на секунду.

* * *

— Стой, Мэри, давай передохнем, — сказал он, упершись руками в колени. — Мне нужно остыть, иначе я проиграю.

* * *

К середине этапа они шли почти вровень. Мэри немного

лидировала, но Бен не отставал. Она, увлеченная игрой, едва давала себе паузы — сразу после его удара бежала делать свой.

* * *

— Ой, извини, — улыбнулась она. — Ты меня слишком увлек.

— Ничего, — усмехнулся Бен. — Я даже не думал, что у тебя такая выносливость.

— Это почти как спорт, — пожала плечами она. — Приходится держать форму.

* * *

Ненадолго повисла пауза. Мэри наблюдала за другими игроками, затем, отодвинув стакан, тихо спросила:

* * *

— А почему ты позвал меня именно сюда?

* * *

Бен чуть не поперхнулся, но быстро собрался, вспомнив слова Скотта.

* * *

— Я хотел увидеть твою реакцию, — начал он, не поднимая глаз. — Понять... что для тебя важнее.

* * *

Мэри внимательно слушала.

* * *

— У меня был опыт, — продолжил он. — Девушка, с которой я общался, со временем стала думать только о деньгах.

И когда поняла, что я не могу дать ей то, что могут другие, всё закончилось. Я думаю, дело было не в чувствах — просто приоритеты изменились.

* * *

Он сделал паузу.

* * *

— А когда я увидел твою улыбку сегодня... мне стало легче. Я даже начал шутить. Обычно это не про меня. Но с тобой... я чувствую себя живым.

* * *

Он неловко улыбнулся, всё ещё глядя в стакан.

* * *

Мэри слушала так внимательно, словно ловила каждое слово. В середине рассказа она напряглась, но финал заставил её дыхание сбиться.

* * *

— Мне очень приятно это слышать, Бен, — тихо сказала она и положила руку на его. — И если честно... я бы согласилась даже просто посидеть с тобой на лавочке. С одними наушниками на двоих. И знай — я говорю это искренне.

* * *

Она с трудом подняла взгляд.

* * *

Бен почувствовал, как его рука под её ладонью словно нагрелась. Он поднял глаза — и замолчал. В этот раз слова действительно были не нужны.

* * *

Они просидели так несколько минут, переглядываясь и отводя взгляд, будто ведя беззвучный разговор.

* * *

После короткого отдыха игра вспыхнула с новой силой. Они шли нога в ногу, не уступая ни одной лунки. Декорации больше не отвлекали — осталась только борьба.

* * *

Последняя лунка находилась на вершине вулкана. Узкая дорожка вела вверх, и нужно было точно рассчитать силу удара: слишком слабый — мяч скатится назад, слишком сильный — не попадет в жерло.

* * *

Даже опытный игрок задумался бы.

* * *

— Это один из самых важных моментов в моей жизни, — сказал Бен, замахиваясь. — Я так не волновался даже перед родительским собранием.

* * *

Мэри тихо рассмеялась, и этот смех снова придал ему уверенности.

* * *

Попыток было много. Мяч упрямо не хотел подчиняться. Но Бен уже начал понимать, как действовать.

* * *

Обычно игроки брали мяч и начинали заново, если он

оказывался в неудобной точке. Но не они. Они играли по правилам.

* * *

— Мы вообще попадем туда когда-нибудь? — раздраженно сказал Бен, зачесывая волосы.

— Этот уровень все ненавидят, — ответила Мэри. — Но знаешь... в этом есть плюс. Радость от сложной победы всегда сильнее.

* * *

Её слова задели его глубже, чем он ожидал.

* * *

«Радость сильнее после трудностей», — повторил он про себя, вдруг вспомнив, как сам избегал сложных путей.

* * *

— Всё хорошо? — заметила Мэри.

— Да, — быстро ответил он, опуская взгляд. — Твоя очередь.

* * *

Мэри собралась, согнула колени, выдохнула — и нанесла лучший удар.

* * *

Мяч пошёл идеально. Обогнул вулкан, поднялся вверх. Ребята замерли, следя за ним.

* * *

Он начал спускаться к жерлу... но на середине застрял, упершись в камень.

* * *

Бен занервничал ещё сильнее.

* * *

Мэри, несмотря на разочарование, улыбнулась.

* * *

— Твоя очередь, Бен, — сказала она, коснувшись его плеча. — Если у меня почти получилось, у тебя точно выйдет. Главное — не сомневайся.

* * *

Он больше не тянул.

* * *

Замах — слишком резкий, почти отчаянный. Удар — мощный.

На этот раз он даже не посмотрел.

* * *

Мяч не покатился — он взлетел, перелетая препятствия.

* * *

— Бенджамин, смотри! — крикнула Мэри.

* * *

Он поднял голову.

* * *

Мяч уже летел прямо к жерлу вулкана.

* * *

Мэри прижала ладони к лицу и замерла, не сводя глаз с катящегося мяча. Рядом Бен стоял с приоткрытым ртом, почти не моргая — словно боялся упустить хотя бы долю се-

кунды.

* * *

— Он идёт прямо в лунку... — шептала она, шаг за шагом приближаясь. — Ты увидишь, он точно зайдёт.

* * *

Но мяч внезапно сбился: отскочил от одного валуна, затем от другого, теряя скорость и уверенность. Казалось, он мечется, не в силах выбрать путь. Надежда треснула, но не исчезла — оба продолжали следить за его странным, упрямым движением у самого жерла вулкана.

* * *

— Да ну его, — отмахнулся Бен и уже хотел отвернуться.

* * *

И именно в этот момент мяч словно передумал. Он выровнялся, поймал линию и медленно, почти торжественно покатился к цели.

* * *

— Давай... давай... давай! — сорвалась Мэри на крик.

* * *

Бен резко обернулся.

* * *

На долю секунды показалось, что всё снова сорвётся: мяч ушёл в сторону, почти задел камень. Но, прежде чем это произошло, он коснулся застрявшего в неровности мяча Мэри, изменил направление и, мягко подпрыгнув, нырнул в лунку.

* * *

— Бен! У тебя получилось!

* * *

Она буквально взлетела к нему, повиснув на плечах. Он рассмеялся — сначала недоверчиво, потом свободно — и закружил её, не удержавшись от переполнявшей радости. Но уже через мгновение остановился и, смутившись, осторожно поставил её на землю.

* * *

— Прости... я... не подумал.

* * *

— Всё в порядке, — отмахнулась Мэри, хотя лёгкий румянец всё же выдал её.

* * *

— Значит... один-один?

* * *

— Значит, так.

* * *

Они не стали задерживаться. Время шло, и Бен всё чаще невольно поглядывал на часы: он помнил, что должен проводить её вовремя. Поэтому предложил сразу подняться на последний уровень — а потом уже отдохнуть.

* * *

Лестница вывела их в другое пространство.

* * *

Здесь всё дышало космосом. Пол сиял неоновыми узорами галактик, дорожки мягко светились в полумраке. Лунки

напоминали лунную поверхность с кратерами и серебристой пылью. Над ними висели огромные планеты — Сатурн с тонкими кольцами, Юпитер с багровым пятном, суровый Марс. Даже мячи выглядели как крошечные спутники, и на мгновение возникало ощущение, будто игроки — великаны, играющие самими мирами.

* * *

— Я всегда любила этот уровень, — тихо сказала Мэри.

* * *

— Понимаю, — ответил Бен, не отрывая взгляда от мерцающего пространства.

* * *

Она не стала ждать. Уверенный удар — и первая лунка осталась позади.

* * *

— Догоняй!

* * *

Игра мгновенно набрала темп. Они двигались вперёд почти без пауз, реагируя на каждый удар смехом, досадой, короткими возгласами. Вскоре всё вокруг — свет, декорации, люди — отступило на второй план. Остались только они и поле.

* * *

Бен, в шутку, начал «уговаривать» свой мяч перед ударами, вызывая у Мэри смех. Она подхватила игру — и теперь уже сама шептала что-то своему, словно он мог её услышать.

* * *

Постепенно вокруг них собрались люди. Сначала случайные зрители, затем — целая толпа. Чьи-то голоса стали скандировать их имена.

* * *

— Не верится, что это из-за нас, — пробормотал Бен.

* * *

— Я тоже такого не видела...

* * *

Он усмехнулся:

* * *

— У тебя, кстати, поддержка громче. И, кажется, я знаю почему.

* * *

Мэри проследила его взгляд — и рассмеялась. Тётя Стейси, не скрывая эмоций, размахивала руками и громко командовала:

* * *

— Мэри! Только вперёд!

* * *

— Она у меня такая, — сказала девочка с теплом. — За это и люблю.

* * *

Финальный этап оказался самым сложным. Узкие проходы сквозь планеты, кольца, по которым нужно было провести мяч, рискуя сорваться в любой момент. Путь тянулся,

будто проверяя не столько технику, сколько выдержку.

* * *

Бен отставал, но собрался. Один удар — точный, выверенный — и его мяч прошёл почти весь участок, остановившись в опасной близости от лунки.

* * *

Толпа взорвалась.

* * *

— Похоже, они уже всё решили, — выдохнул он.

* * *

— Тогда придётся их удивить, — спокойно ответила Мэри.

* * *

Она ударила.

* * *

Мяч пошёл идеально. Сквозь планеты, по кольцам, точно по намеченной линии. В зале стало тихо — той особенной тишиной, в которой слышно только собственное сердце.

* * *

Ещё немного...

* * *

Почти.

Но в последний миг он коснулся мяча Бена и остановился в сантиметре от цели.

* * *

По залу прокатился общий выдох.

* * *

Мэри опустила голову, опёршись на клюшку. Несколько секунд она стояла неподвижно, словно переживая этот момент внутри себя. Затем подняла взгляд.

* * *

— Давай, Бен. Теперь твоя очередь.

* * *

В её голосе не было ни надрыва, ни упрёка. Только искренность.

* * *

И это оказалось сильнее любого поражения.

* * *

Он замер на мгновение.

* * *

«Как она так может?» — мелькнуло у него в голове.

* * *

— Спасибо тебе, — тихо сказал он, почти беззвучно.

* * *

Она поняла.

* * *

И в глубине души уже знала, что произойдёт дальше. Но всё равно не верила до конца.

* * *

Бен подошёл к мячу.

* * *

Удар был мягким.

* * *

Его мяч коснулся её — и тот, изменив направление, спокойно закатился в лунку.

* * *

На секунду повисла тишина. А затем толпа ожила и устремилась к Мэри.

* * *

Она закрыла лицо руками.

* * *

— Я этого не заслужила!

* * *

— Нет, — тихо произнёс Бен, улыбаясь. — Именно ты.

* * *

Он не стал ждать.

* * *

— Я буду у выхода, — сказал он, указав рукой.

* * *

И ушёл.

* * *

А она осталась — в свете, шуме и чужих голосах — с победой, которую он выбрал для нее.

* * *

Глава 15:Разговор

Бен приподнял ворота — металл глухо ударился о стопор. Холодный воздух скользнул внутрь, смешиваясь с запахом масла и старого железа.

* * *

— Бен, ключ возле дивана подай, — донёлся голос из ямы.

* * *

Ни «привет», ни взгляда.

* * *

Бен усмехнулся. Всё как всегда.

* * *

Он прошёл внутрь, огляделся — инструменты снова лежали не там, где он их оставил.

* * *

— Я их только вчера разложил.

* * *

— Значит, плохо разложил, — спокойно ответил Скотт.

* * *

Бен нашёл ключ, протянул вниз. Рука Скотта — широкая, в масле — на секунду задержалась, будто проверяя вес, потом исчезла.

* * *

Несколько минут они работали молча. Слышались только щелчки металла, скрип, редкие короткие команды.

* * *

Потом Скотт заговорил:

* * *

— В школу ходил?

* * *

Вопрос прозвучал будто между делом. Но Бен знал — не между.

* * *

— Ходил.

* * *

— «Ходил» — это как? — Скотт выбрался из ямы, вытер руки тряпкой. — Ногами дошёл и ушёл?

* * *

Бен пожал плечами:

* * *

— Почти.

* * *

Скотт фыркнул, открыл холодильник, достал банку пива, но не открыл сразу. Покрутил в руке.

* * *

— Ты думаешь, я просто так тебе это говорю? — он кивнул куда-то в сторону школы, которой отсюда даже видно не было. — Думаешь, мне заняться нечем?

* * *

— Я не думаю, что тебе нечем заняться, — спокойно ответил Бен.

* * *

— Тогда слушай, когда говорю.

* * *

Тон был резкий. Но не злой.

* * *

Бен опустил на корточки у колеса, делая вид, что занят.

* * *

— Я слушаю.

* * *

Скотт сделал глоток, поморщился — будто вкус ему самому был неприятен.

* * *

— Ты сейчас в том возрасте, когда можно всё испортить. Один раз — и всё. Понимаешь?

* * *

— Понимаю.

* * *

— Не понимаешь, — отрезал Скотт. — Если бы понимал — не играл бы в это «почти ходил».

* * *

Тишина повисла между ними.

* * *

Где-то за стеной проехала машина.

* * *

Бен выпрямился, посмотрел на Скотта:

* * *

— А ты понимаешь?

* * *

Вопрос прозвучал тихо. Но точно.

* * *

Скотт замер.

* * *

— Что именно?

* * *

— Где ты всё испортил.

* * *

Слова повисли в воздухе — тяжёлые, как железо.

* * *

На секунду показалось, что сейчас что-то сломается. По-настоящему.

* * *

Скотт медленно опустил банку на стол.

* * *

— Ты сейчас границу переходишь, парень.

* * *

— Может, — кивнул Бен. — Но ты сам начал.

* * *

Они смотрели друг на друга.

* * *

Не как ученик и наставник.

* * *

Как два человека, у каждого из которых есть своя правда.

* * *

Скотт отвёл взгляд первым. Провёл рукой по лицу, будто стирая что-то невидимое.

* * *

— Я всё испортил... — тихо повторил он, словно пробуя слова на вкус. — В какой-то момент решил, что могу отложить. Потом ещё раз. И ещё.

* * *

Он усмехнулся — коротко, без радости.

* * *

— А потом оказалось, что откладывать уже нечего.

* * *

Бен молчал.

* * *

Скотт снова взял банку, но не пил.

* * *

— Ты думаешь, я тебе читаю лекции, потому что люблю говорить? — он посмотрел на Бена. — Да мне самому от этих слов тошно.

* * *

Пауза.

* * *

— Но если я тебе их не скажу — кто скажет?

* * *

Бен опустил взгляд.

* * *

— Мама.

* * *

— Мама скажет правильно, — кивнул Скотт. — А я скажу честно.

* * *

Он подошёл ближе, остановился рядом.

* * *

— Я не хочу, чтобы ты стал таким же.

* * *

Бен тихо усмехнулся:

* * *

— У меня нет бокса.

* * *

— Дело не в боксе, — резко ответил Скотт. — Дело в том, что вот это... — он постучал себя по виску, — начинает лениться.

А потом — врать. Тебе же.

* * *

Он сделал шаг назад.

* * *

— Сегодня ты «почти сходил». Завтра — «почти попробовал». Потом — «почти нормально живу».

* * *

Он кивнул на банку в руке.

* * *

— Знаешь, сколько у меня таких «почти»?

* * *

Бен ничего не ответил.

* * *

Скотт тоже.

* * *

Тишина снова стала рабочей. Уже другой.

* * *

Без напряжения.

* * *

Бен вернулся к машине. Взял щётку, начал чистить суп-порт.

* * *

Через минуту Скотт бросил:

* * *

— Внимательнее. Там грязь остаётся.

* * *

— Вижу.

* * *

— Не вижу, что видишь.

* * *

Бен закатил глаза.

* * *

— Скотт...

* * *

— Что «Скотт»?

* * *

— Ты иногда невозможный.

* * *

— Зато полезный, — отрезал он.

* * *

И впервые за весь разговор в его голосе мелькнула улыбка.

* * *

Бен тоже усмехнулся.

* * *

Работа продолжилась.

* * *

Но что-то между ними стало другим.

* * *

Не громче.

* * *

Не заметнее.

* * *

Просто крепче.

* * *

Как деталь, которую затянули до нужного момента — и она больше не люфтит. неё сам.

* * *

Глава 16: Автомастерская

Анкета оказалась ловушкой, замаскированной под школьную формальность. Нужно было указать номер родителя — ниточку, за которую взрослые могли дернуть в любой момент. Бенджамин, не раздумывая, вписал старый, давно нерабочий номер матери — тот самый, который когда-то выучил наизусть, как молитву на случай беды. Теперь эта «молитва» стала щитом.

* * *

Первые недели всё шло спокойно. Но стоило ему начать пропускать занятия — телефон превратился в источник тревоги. Каждая вибрация отзывалась уколом под рёбра, экран — в холодное зеркало, в котором мог отразиться приговор. Он смотрел на него так, будто открывал дверь в темную комнату.

* * *

Но был и второй вариант. Тот, ради которого сердце не сжималось, а, наоборот, делало лишний удар.

* * *

Мэри.

* * *

Он почти улыбнулся, ещё не открыв сообщения.

* * *

Они почти не переписывались — только короткие «доб-

рое утро» и «спокойной ночи». Но именно в этих двух фразах помещался их день. Для Бена она была первой мыслью утром и последней — перед сном. Этого оказалось достаточно, чтобы тишина между словами стала важнее самих слов.

* * *

Мэри жила в другом ритме — актёрский кружок, дополнительные занятия, подготовка к экзаменам. Бен редко провожал её после школы, но всегда писал:

«Мэри, с тобой всё хорошо?»

* * *

Для кого-то — пустяк. Для неё — целый мир.

В этих словах она слышала не вопрос, а заботу. Не формальность — присутствие.

* * *

И каждый её ответ — «всё хорошо, Бен» — возвращал ему равновесие.

* * *

Телефон в руке ожил снова. На этот раз — десятки сообщений.

* * *

Он выпрямился, уперся ногами в пол, будто собирался принять удар — и открыл чат.

* * *

«Бен, привет.»

«Как ты?»

«Надеюсь, всё хорошо...»

«Тут такое дело...»

«Наш преподаватель заметила нас вместе...»

«И... попросила твоей помощи...»

«У нас спектакль, и некому таскать декорации...»

«Если тебе не сложно... помог бы завтра?»

«Иначе она меня не отпустит своими намёками...»

«Мой “кавалер”, надеюсь, меня спасёт...»

* * *

Последнее сообщение было с улыбкой — почти слышимой.

* * *

Бен не выдержал и улыбнулся вслух.

* * *

Её просьба не была тяжёлой — наоборот, она казалась ему подарком. Возможностью быть нужным.

* * *

Он быстро напечатал:

* * *

«Привет, Мэри. У меня всё хорошо. И у тебя, надеюсь, тоже. Конечно помогу.»

* * *

И, не удержавшись, добавил:

* * *

«Если нужно будет победить немецкого льва — тоже зови. Я справлюсь.»

* * *

Он уже нажимал «отправить», когда голос Скотта разорвал пространство мастерской:

* * *

— Бен! Где ключ? Ты там жениться собрался или работать будешь?!

* * *

Телефон чуть не выскользнул из рук.

* * *

— Уже бегу! — крикнул Бен, быстро набрав Мэри: «Потом отвечу.»

* * *

Он вскочил и подал инструмент.

* * *

Скотт вылез из ямы, прищурился и посмотрел на него с кривой усмешкой:

* * *

— Слушай, малыш... — протянул он, — я, конечно, старый, но не слепой.

Это она, да?

* * *

Бен замялся.

* * *

— Просто переписывались...

* * *

— «Просто» он... — хмыкнул Скотт. — У тебя лицо сейчас как у двигателя, в который наконец залили нормальное

ТОПЛИВО.

* * *

Бен смутился и отвернулся.

* * *

Скотт вытер руки тряпкой, сел на край верстака и неожиданно заговорил спокойнее:

* * *

— Запомни одну вещь. Машину можно починить. Сердце — сложнее.

Но если рядом есть человек, из-за которого ты забываешь, что тебе холодно, больно и вообще тяжело...

— он кивнул в сторону двери, где сквозняк гонял пыль, — значит, ты уже нашёл что-то настоящее.

* * *

Бен молчал.

Скотт усмехнулся, будто сам испугался собственной откровенности:

* * *

— Только не вздумай из-за этого прогуливать школу окончательно. Я, конечно, не святой, но дураков не люблю.

* * *

— Я понял, — тихо сказал Бен.

* * *

— Не понял ты, — отрезал Скотт. — Ты пока только чувствуешь.

А понимать — это позже приходит. Иногда слишком

поздно.

* * *

Он взял банку пива, покрутил её в руках и поставил обратно, не открывая.

* * *

— Работай давай. И не теряй это... — он неопределённо махнул рукой, — состояние своё.

* * *

Работа продолжилась. Инструменты звенели, металл отзывался глухо и терпеливо. Вмятина в двери «Тауруса» поддавалась медленно, как будто тоже сомневалась, стоит ли возвращаться в прежнюю форму.

* * *

Бен работал молча, но уже иначе. Внутри него что-то выравнилось — как металл под руками Скотта.

* * *

Когда всё было закончено, мастер опёрся о капот и устало выдохнул:

* * *

— Ну что, победили.

* * *

— Победили, — кивнул Бен, снимая перчатки.

* * *

Скотт молча пошёл к крану, сполоснул руки, затем взял ключи и бросил их Бену.

* * *

— Поехали.

* * *

— Куда?

* * *

— Есть, — коротко ответил он. — Сегодня я угощаю.

* * *

Бен поймал ключи, удивлённо посмотрел:

* * *

— Это же машина клиента...

* * *

Скотт усмехнулся — устало, но почти по-доброму:

* * *

— Если мастер не доверяет своей работе — ему нечего делать в этом деле.

А я, малыш... — он хлопнул по капоту, — свою работу знаю.

* * *

Он открыл ворота. Вечер впустил в бокс холод и тишину.

* * *

— Поехали, — повторил Скотт.

* * *

И в этом слове было не только про дорогу.

* * *

— Я думаю, после такой работы мы заслужили перекусить.
К тому же мы зверски голодны, верно?

— Верно.

—Значит, хозяин не обидится, если мы ненадолго позаимствуем его уставший «Форд» и съедим по паре хот-догов.—Скотт сказал это с той уверенностью, с какой люди оправдывают самые простые радости.—Так что не тяни: если моя закусочная закроется — завтра чинить будем уже тебя, а не машины.

* * *

—Так точно, капитан,—улыбнулся Бен и распахнул дверь.

* * *

Они выкатили машину из бокса. Бен на секунду вернулся — проверить свет, кран, порядок, словно запирал не мастерскую, а собственный мир. Куртка — на плечи, хлопок двери — и он уже в машине, с легкой тревогой: шутки Скотта иногда слишком близко подходили к правде.

* * *

Он тронулся, не зная дороги, но доверяя голосу наставника. Скотт направлял коротко и точно, как ведут в темноте по памяти. Закусочная оказалась рядом — как будто всегда ждала их за углом.

* * *

—Уже лучше держишь дорогу, малыш,—кивнул Скотт.
—Стараюсь... но всё равно волнуюсь.

—И правильно. Волнение — это первый шаг. Любое дело начинается с дрожащих рук. Даже те, кто потом летает, когда-то боялись нажать на газ.

* * *

—Знаешь, ты иногда философ,—усмехнулся Бен.

—Молчи уже. Приехали.

* * *

Перед ними стоял бело-красный фургон — потертый временем, но сияющий, как старый солдат в парадной форме. Вывеска «Hot-Dogs» облупилась, но в этом была жизнь, не ветхость. Стулья, столики, горчица в банках — всё простое, но настоящее, как честный труд.

* * *

Хозяин уже вытирал столы, насвистывая что-то без начала и конца — мелодию дня.

* * *

Скотт оказался рядом с ним быстрее, чем Бен успел закрыть дверь. Объятие — крепкое, как у людей, которым не нужны слова.

—Бен, это Джордж.

—Рад знакомству,—широко улыбнулся тот, пожимая руку так, будто проверял на прочность не кисть, а характер.— Ты прямо как Скотт... Не сказал бы — подумал бы, отец и сын.

* * *

Бен смутился, но улыбнулся в ответ.

* * *

—Запомни это место,—кивнул Скотт.—После него другие есть не сможешь. У этого человека — золотые руки.

—Вы ещё работаете?—осторожно спросил Бен.

—Для друзей — всегда,—ответил Джордж, поднимая палец, словно ставил паузу миру.—Сейчас будут лучшие хот-доги.

* * *

Он усадил их за стол и исчез — быстро, почти бесшумно.

* * *

—Ты говорил, что он не друг...—тихо начал Бен.

—И не друг,—спокойно ответил Скотт, перебирая зубочистки, будто выбирал из них воспоминание.—Я тебя за жизнь чаще видел, чем его.

* * *

—Тогда почему... так?

Скотт вздохнул.

* * *

—Есть люди, с которыми ты делишь всё — время, силы, себя. А потом, когда ты приходишь к ним за тем же, они говорят: «Я тебя не просил». Это первый тип.

* * *

Бен нахмурился.

—А второй?

Скотт кивнул в сторону фургона.

—Вот.

Джордж, стоя у гриля, улыбался так, будто усталость к нему не имела права прикасаться.

* * *

—Он помнит,—продолжил Скотт.—И этого достаточно.

* * *

Он рассказал коротко: школа, юность, мечта Джорджа, старый фургон, которого почти не было — и работа, которую пришлось вырвать у железа. Без расчёта, без выгоды. Просто потому, что в глазах другого горел огонь.

* * *

—Такие люди зажигают и тебя,—сказал Скотт.—А потом — не забывают.

* * *

—Это как кино...—тихо сказал Бен.

—Жизнь лучше,—отрезал Скотт.

* * *

—А фургон где?

—Перед тобой,—ответил Джордж, появившись с подносом.

* * *

Бен чуть не подавился.

—Этот? До сих пор?

—Если Скотт захочет, он и холодильник заставит летать,—рассмеялся Джордж.

* * *

Они ели. Горячий хлеб, сочная начинка, холодная кола — простая еда, но в ней было больше, чем вкус. Бен ел жадно, как едят после долгого дня, и честно сказал:

—Лучшее, что я пробовал.

* * *

Джордж улыбнулся — спокойно, без гордости.

* * *

Потом разговоры потекли сами: школа, старые знакомые, случайные судьбы. Время не спешило — оно просто сидело рядом.

* * *

—Я никогда не думал, что ко мне будут приходить специально,—признался Джордж.—Просто хотел готовить.

* * *

Когда вечер окончательно стал ночью, они встали. Стулья тихо скрипнули — как будто прощались.

* * *

У машины Бен всё-таки решился:

—Можно вопрос?

—Конечно.

—Почему не сменишь фургон?

* * *

Джордж посмотрел на него прямо.

—Пока не построю ресторан — не уберу. Этот фургон — напоминание. Откуда я начал. И почему нельзя останавливаться.

* * *

Он пожал Бену руку.

—Доброй ночи, малыш.

* * *

Фары вспыхнули, двигатель загудел, и, уезжая, Джордж посигналил какой-то странной, неровной мелодией — словно написал подпись под этим вечером.

* * *

Бен улыбнулся. Он уже понимал: такие люди не объясняются — они просто остаются.

* * *

— Теперь ты понял, какими бывают люди второго типа, Бен? — произнёс Скотт у него за спиной. Голос прозвучал так глухо, будто это говорил не человек, а сама мысль, эхом отозвавшаяся в голове мальчика.

* * *

— Да, Скотт. Понял.

* * *

— Ну и хорошо. Надеюсь, вечер тебе понравился. А теперь садись в машину — отвезу тебя домой. Я уже отрезвел и могу сесть за руль.

* * *

— Да, конечно.

* * *

Бенджамин медленно подошёл к машине.

* * *

— Ты разве не торопишься домой?

* * *

— Думаю, один раз можно и задержаться. Надеюсь, мама

не встретит меня с ружьём у порога.

* * *

Скотт усмехнулся:

* * *

— Надеюсь тоже. Потому что против такой женщины я тебе не помощник.

* * *

— Против такого соперника даже армия не поможет.

* * *

Скотт улыбнулся — уже не впервые за этот вечер. И каждая такая улыбка разрушала в Бене ощущение, будто рядом с ним ходит не человек, а уставший железный механизм.

* * *

Мужчина завёл двигатель, включил фары и, к удивлению Бена, пристегнулся.

* * *

— О, ты и так умеешь? — хмыкнул мальчик.

* * *

— Иногда надо показывать тебе, как правильно жить. А то ещё наберёшься от меня дурных привычек.

* * *

Он снял машину с ручника, и они медленно покатались по заснеженным улицам.

* * *

Зима в маленьком городке всегда наступала по-настоящему — тихо и бесповоротно. Снег лежал плотным белым по-

крывалом, отражая свет фонарей, крыши домов тонули в сугробах, а окна светились тёплыми золотыми пятнами, будто внутри каждого дома кто-то бережно хранил кусочек лета. Ветер носился между голых деревьев и сосен, пытаясь забраться под одежду прохожим, а редкие люди шли по улицам, спрятав лица в шарфы.

* * *

Скотт осторожно вёл машину по скользкой дороге. По обе стороны трассы высились сугробы, и Бену казалось, будто они едут не по городу, а через какую-то зимнюю сказку.

* * *

Он смотрел в окно и неожиданно поймал себя на мысли, что домой ему не хочется. Несмотря даже на то, что завтра ровно в шесть утра мать наверняка разбудит его криком про зарядку.

* * *

Скотт, похоже, думал о том же.

* * *

За это короткое время они успели стать друг другу куда ближе, чем мастер и ученик. В мужчине, который привык жить среди железа, бензина и ругани, незаметно проснулось что-то почти отцовское. Жизнь в боксе словно разделилась для него на две части: «до Бена» и «после».

* * *

Он вдруг понял, что мальчик давно не говорил о Мэри.

* * *

Скотт не знал, как мужчины вообще начинают разговоры о девушках. Он вырос без отца и никогда не имел сына. Но мысль всё равно не отпускала его.

* * *

Он приглушил музыку.

* * *

— Малыш.

* * *

— Да?

* * *

— Ты давно не рассказывал мне про ту девочку. Мой план со свиданием был настолько плох?

* * *

Бен нервно дёрнул замок олимпийки.

* * *

— Нет. Всё прошло хорошо. Даже очень. Ей понравилось... Просто сначала я вообще не понимал, что говорить.

* * *

Скотт усмехнулся:

* * *

— Главное — ты не струсил. А дальше разберёмся.

* * *

Он немного помолчал.

* * *

— За две недели вы ведь уже наверняка много раз гуляли?

* * *

— Ну... вообще-то нет.

* * *

Скотт удивлённо повернулся:

* * *

— Как это нет? Вы больше не общаетесь?

* * *

— Общаемся. Каждый день. В школе... иногда я провожаю её домой.

* * *

— Тогда почему вы не видите просто так?

* * *

Бен опустил голову.

* * *

Слова Кармен всё ещё сидели у него внутри. «Ты ещё ребёнок». И каждый раз, когда он хотел позвать Мэри куда-нибудь, перед глазами вставал пустой карман. Денег хватило бы разве что на пару молочных коктейлей и дешёвые булочки из супермаркета.

* * *

Поэтому он предпочитал делать вид, будто его всё устраивает.

* * *

Но сейчас, после слов Скотта, это вдруг показалось ему жалким.

* * *

— Знаешь... может, мне вообще не стоило с ней сбли-

жаться, — тихо сказал он.

* * *

Скотт резко остановил машину.

* * *

— Почему?

* * *

— Потому что как я могу приглашать её куда-то, если даже нормальных цветов купить не способен?

* * *

В голосе Бена прозвучала такая досада, что у Скотта болезненно сжалось сердце.

* * *

Он слишком хорошо понимал это чувство.

* * *

Возраст, когда ты уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Когда хочется быть самостоятельным, но мир постоянно напоминает тебе, сколько стоят даже самые простые вещи.

* * *

Скотт положил руку ему на плечо.

* * *

— Послушай меня внимательно, малыш.

* * *

Бен повернулся к нему.

* * *

— Я не мастер говорить красивые слова. Но кое-что рассказать тебе обязан.

* * *

Он немного прокашлялся, собираясь с мыслями.

— Когда я был примерно твоего возраста, мой дед рассказал мне одну историю. Сказку вроде бы. Но после неё я больше никогда не думал о любви так, как раньше.

* * *

Бен внимательно посмотрел на него.

* * *

— Жил когда-то мальчик. Самый обычный. Он ходил в школу, ел, спал, просыпался — и всё это делал так, будто жизнь уже закончилась, хотя она едва началась. Мир для него был серым и пустым.

* * *

Только по вечерам он поднимался на крышу своего дома и смотрел на луну.

* * *

И однажды он увидел там девушку.

* * *

Не сон. Не тень.

* * *

Настоящую девушку, живущую на луне.

* * *

Она тоже сидела одна и смотрела на Землю так же, как он смотрел на небо.

* * *

С тех пор они встречались каждую ночь. Он ждал её, как

люди ждут весну после самой долгой зимы. И постепенно жизнь мальчика изменилась. Он начал смеяться, начал есть с аппетитом, начал просыпаться по утрам не потому, что надо, а потому, что хотел прожить ещё один день.

* * *

А потом девушка исчезла.

* * *

На много дней.

* * *

Когда она вернулась, её свет стал тусклым. Она болела. И в ту последнюю ночь, улыбнувшись ему, рассыпалась серебряной пылью прямо на поверхности луны.

* * *

Мальчик плакал до рассвета.

* * *

А через три дня снова поднялся на крышу.

* * *

Он вдохнул холодный ночной воздух — и ему показалось, будто в этом ветре осталась она.

* * *

Тогда он улыбнулся в последний раз... и тоже исчез.

* * *

Люди потом говорили, что они превратились в космическую пыль и теперь летают среди звёзд вместе, больше никогда не расставаясь.

* * *

Когда Скотт замолчал, в машине стояла такая тишина, будто даже мотор перестал работать.

* * *

Бен сидел, уставившись в темноту за окном. По щекам у него текли слёзы.

* * *

Скотт сделал вид, что не замечает.

* * *

— Возьми салфетки. Они сзади.

* * *

Бен молча вытер лицо.

* * *

— Я рассказал тебе это только для одного, малыш, — тихо произнёс Скотт. — Настоящей любви не нужны деньги. Тем людям ничего не было нужно друг от друга, кроме них самих. Понимаешь?

* * *

Бен кивнул.

* * *

— Если она твоя судьба, — продолжал Скотт, — то вам будет тепло даже среди самого холодного места на земле. А если нет — никакие рестораны и цветы не помогут. Так что не бойся быть собой.

* * *

Бен долго молчал.

* * *

А потом неожиданно улыбнулся:

* * *

— Знаешь... теперь я точно приглашу её погулять.

* * *

Скотт тяжело выдохнул:

* * *

— Ну и слава богу.

* * *

Они пожали друг другу руки.

* * *

— А ты иногда можешь быть философом, — сказал Бен, выходя из машины. — Может, тебе книжку написать?

* * *

— Это разовая акция, — тут же буркнул Скотт своим обычным голосом. — И помни: каждая шутка в мою сторону — это лишний подзатыльник завтра в боксе.

* * *

— Всё-всё, понял.

* * *

Бен закинул рюкзак на плечо.

* * *

— Спасибо тебе, Скотт.

* * *

Мужчина только кивнул. Но улыбка у него была такой тёплой, что любые слова рядом с ней казались лишними.

* * *

* * *

* * *

Дом встретил Бена темнотой.

* * *

Он тихо открыл дверь и на цыпочках двинулся к лестнице.
Был уже первый час ночи. Если мать не спала — он обречён.

* * *

Он почти добрался до второго этажа, когда решил пере-
прыгнуть последние ступени.

* * *

Это было худшее решение за весь день.

* * *

Нога соскользнула, и он с грохотом рухнул коленями на
лестницу.

* * *

Из комнаты сразу донёлся голос матери:

* * *

— Бенджамин!

* * *

— Да, ма...

* * *

— Если завтра я не увижу тебя с утра на зарядке — бу-
дешь спать на этой лестнице!

* * *

— Уже иду спать!

* * *

Он влетел в комнату, облегчённо выдохнул и рухнул на кровать.

* * *

Усталость была сладкой.

* * *

Он машинально достал телефон из-под подушки, чтобы поставить будильник, и увидел сообщение от Мэри.

* * *

«Бен, мне кажется, тебе не нужно совершать тринадцать подвигов, чтобы стать моим героем. И спасибо тебе ещё раз за помощь».

* * *

Он перечитал сообщение дважды.

* * *

Потом быстро отбросил телефон в сторону, уткнулся лицом в подушку и закрыл глаза.

* * *

И если бы счастье можно было сфотографировать, то в ту ночь оно выглядело бы именно так.

Долорес проснулась без десяти шесть — раньше будильника. Несколько секунд она лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине дома, затем протянула руку и выключила звонок, который должен был разразиться ровно в шесть. Накинув халат и сунув ноги в тапочки, она потянулась и направилась к двери, уже заранее придумывая, как будет ворчать на сына за поздний сон.

* * *

«Может, хоть теперь поймёт, что спортсменам нельзя засиживаться допоздна», — подумала она, выходя из комнаты.

* * *

Но стоило двери открыться, как заготовленная лекция рассыпалась.

* * *

Бенджамин уже стоял у входа, затягивая шнурки на кроссовках.

* * *

— Привет, ма. Я скоро буду.

* * *

Он ловко завязал второй кроссовок и выскочил за дверь прежде, чем она успела что-либо сказать.

* * *

— Привет... — растерянно ответила Долорес, приподняв бровь.

* * *

Несколько секунд она смотрела ему вслед, а потом усмехнулась:

* * *

— Этот ребёнок никогда не перестанет меня удивлять.

* * *

Она ушла на кухню готовить завтрак.

* * *

* * *

* * *

На улице Бенджамин натянул наушники и начал разминку, негромко подпевая песне, звучавшей у него в ушах. Холодный утренний воздух резал лёгкие, но тело быстро просыпалось от движения.

* * *

Он тщательно разогрел мышцы, сделал несколько коротких растяжек, не перегружая связки — привычка, выработанная годами тренировок. Слишком сильная растяжка перед бегом расслабляет мышцы, а расслабленные мышцы любят рваться. Бен это знал.

* * *

Закончив разминку, он привычно стартовал лёгким прыжком.

* * *

Километровая пробежка давно стала для него такой же естественной, как чистка зубов. Тело работало автоматически: дыхание ровное, шаг пружинистый, сердце спокойно держит ритм. Турник, брусья, упражнения с жгутом — всё это было частью его утра, почти ритуалом.

* * *

Когда зарядка подошла к концу, Бен закинул резиновый жгут на плечо и побежал домой. Настроение у него было куда лучше, чем вечером. Он почти не сомневался: мама уже не будет злиться так сильно — всё-таки на тренировку он встал.

* * *

* * *

* * *

Долорес встретила его на кухне. Бен как раз проходил мимо, собираясь подняться в ванную.

* * *

— Бен, — окликнула она.

* * *

Но он будто заранее ждал разговора. Сразу остановился и заговорил первым:

* * *

— Мам, честное слово, такого больше не повторится. Мы вчера со Скоттом были в мастерской — чинили дверь на машине, долго провозились. Потом он повёл меня к своему другу в закусочную, накормил хот-догом... они столько всего рассказывали, что я даже не заметил времени. А когда стало поздно, Скотт сам отвёз меня домой и попросил передать тебе извинения за то, что я так задержался. Прости меня, пожалуйста. Я больше так не буду.

* * *

Он договорил и прикусил нижнюю губу, напряжённо ожидая ответа.

* * *

Долорес смотрела на сына молча.

* * *

Она была обезоружена не столько самой историей, сколько тем, с какой честностью он всё рассказал. Большинство

подростков начинают юлить, выкручиваться, прятать правду. А Бен стоял перед ней — высокий, смущённый, искренний — и просил прощения так, будто действительно боялся её расстроить.

* * *

Родители всегда боятся поздних возвращений детей. В такие минуты в голову лезет всё самое страшное. Особенно когда ребёнок взрослеет, а ты уже не понимаешь до конца, где заканчивается контроль и начинается доверие.

* * *

Но Бенджамин никогда не давал поводов думать о сигаретах, выпивке или дурных компаниях. Долорес тревожило другое: новый штат, новые люди, чужая среда. Ей казалось, что однажды рядом может оказаться кто-то, кто потянет сына не туда.

* * *

Но сейчас, услышав имя Скотта и увидев глаза Бена, она успокоилась.

* * *

Лицо её смягчилось.

* * *

— Хорошо, Бен. Если уж Скотт просит прощения, ругать тебя не буду. Но только на этот раз.

* * *

Она поставила тарелки на стол и строго добавила:

* * *

— Больше так не делай. Ты должен нормально спать, вовремя возвращаться домой и вставать без мучений. Даже я знаю, насколько это важно для спортсмена. А ты тем более должен знать.

* * *

Бен облегчённо выдохнул.

* * *

Эмоции захлестнули его быстрее, чем он успел их спрятать. Подойдя ближе, он одной рукой приобнял мать.

* * *

— Конечно, мам. Договорились.

* * *

Долорес даже замерла от неожиданности.

* * *

После переезда Бен редко позволял себе такую открытость.

Особенно сейчас, в возрасте, когда мальчишки начинают прятать чувства под угрюмостью и молчанием.

* * *

Но через секунду удивление исчезло, уступив место тёплой улыбке.

* * *

Они обнялись.

* * *

А потом Бен, словно ничего особенного не произошло, рванул в ванную — принимать контрастный душ, завтра-

кать, собираться в школу.

* * *

* * *

* * *

К школе он добрался уже полностью собранным и бодрым, хотя утренний холод всё ещё пробирался под куртку.

* * *

Первые три урока Бен отсидел без проблем. А вот физику и химию, стоявшие последними, его сила воли уже не выдержала.

* * *

«Какой гений вообще придумал ставить самые тяжёлые предметы в конец дня?» — думал он, доедая булочку в буфете.

* * *

Этой мысли оказалось вполне достаточно, чтобы с чистой совестью прогулять оба урока.

* * *

Пока на втором этаже одноклассники отвечали домашние задания, Бен сидел в почти пустом буфете и наслаждался тишиной.

* * *

Но долго бездельничать он не собирался.

* * *

После занятий нужно было идти в театральный кружок — помочь с декорациями перед генеральной репетицией. И, ес-

ли честно, перспектива таскать тяжёлые конструкции совсем его не раздражала. Наоборот.

* * *

Это был идеальный повод снова провести время с Мэри.

* * *

* * *

* * *

Актёрский кабинет находился в дальнем конце второго этажа. Чтобы добраться туда, нужно было пройти через главный холл и свернуть в длинный коридор, устланный плотной ковровой дорожкой тёмно-синих оттенков — типичной для старых американских школ.

* * *

Бен шёл мимо классов с деревянными дверями и стеклянными вставками. На стенах висели выцветшие афиши школьных постановок: трагедии, комедии, музыкальные вечера. Всё это создавало особую атмосферу — будто этот угол школы жил по своим законам.

* * *

В самом конце коридора располагались две двери.

* * *

Одна вела в маленький актёрский кабинет — тесный, уютный, с высокими потолками и тусклыми лампами. Другая — в большой актовый зал, где оживали все школьные спектакли.

* * *

Даже воздух здесь был другим.

* * *

Кондиционер приглушал запах дерева, старой краски и пыли от кулис, но полностью скрыть его не мог. В этой смеси чувствовалось что-то живое — нервное, творческое, почти магическое. Будто сама школа в этой части здания переставала быть школой и превращалась в место, где дети примеряли чужие судьбы и учились быть кем-то большим, чем они есть.

* * *

— О, Уилсон, именно тебя мы и ждали! — раздался голос мисс Браун.

* * *

Как всегда, она говорила так, будто даже обычная просьба была частью театральной сцены.

* * *

— Тебе нужен актовый зал. Наш маленький кабинетик сегодня отдыхает, а вот там без сильных рук никак.

* * *

Бен кивнул и пошёл следом.

* * *

Каждый раз, оказываясь здесь, он начинал чувствовать себя неловко. Будто попадал на чужую территорию, где все смотрят только на него.

* * *

— Вот наш зал, Бен. Ты уже видел его раньше, но сейчас

он немного меняется. Скоро генеральное представление.

* * *

Актальный зал действительно выглядел иначе.

* * *

Высокие потолки терялись в полумраке. Потёртый деревянный паркет хранил следы тысяч школьных шагов. Над сценой тяжело висел тёмно-зелёный бархатный занавес, а по краям стояли старые прожекторы с дрожащим жёлтым светом.

* * *

На сцене уже были расставлены декорации: грубо выкрашенные арки, деревянные лавки, фанерные стены.

* * *

Всё выглядело немного бедно.

* * *

Но именно в таких декорациях почему-то всегда рождалось настоящее волшебство.

* * *

— Бен, ты даже не представляешь, как нас выручаешь, — продолжала мисс Браун, пока они поднимались на сцену. — Я уже не знала, кого просить. Даже рабочие школы нормально ничего перенести не могут. А потом вспомнила: у нас же есть ты.

* * *

Из-за кулис начали выходить ребята из кружка.

* * *

При виде Бенджамина многие замерли. Для них он выглядел почти чужеродно среди театральной суеты — высокий, широкоплечий, с ломанными борцовскими ушами, скрытыми волнистыми волосами, давно требовавшими стрижки.

* * *

Словно кто-то случайно впустил в мир декораций и репетиций молодого гладиатора.

* * *

И только одна девочка знала, что он здесь не случайно.

* * *

Мэри стояла чуть в стороне, рядом с подругами. Светлые волосы были собраны в аккуратную косу, делавшую её похожей на что-то слишком нежное для этого старого школьного зала.

В её облике было столько тихого тепла, что казалось — даже зимний снег рядом с ней должен таять быстрее.

* * *

— Так, дети, это Бенджамин, — торжественно объявила мисс Браун.

* * *

Бен сразу напрягся.

* * *

— Сегодня он помогает нам с декорациями. И я считаю, что мы обязаны хотя бы аплодисментами поблагодарить нашего героя.

* * *

Дети послушно захлопали.

* * *

Бен зажмурился и сжал губы от неловкости.

* * *

Он терпеть не мог, когда внимание зала обращалось на него.

* * *

На секунду его взгляд встретился с глазами Мэри. Она смотрела на него почти с таким же сочувствием, будто сама переживала этот кошмар.

* * *

Бен едва заметно покрутил головой, словно без слов спрашивая:

* * *

«Когда это уже закончится?»

* * *

Мэри тихо улыбнулась и пожала плечами.

* * *

«Она по-другому не умеет».

* * *

Он не выдержал и усмехнулся.

* * *

Когда аплодисменты наконец стихли, мисс Браун объяснила задачу.

* * *

Из спортивного зала нужно было перенести массивную

скамью и тяжёлые декоративные блоки, изображавшие каменную стену и балкон Джульетты. Именно на этом балконе должна была ожить самая известная сцена спектакля.

* * *

Декорации хранились в спортзале — актовый зал попросту не вмещал всё оборудование для школьных постановок.

* * *

Но теперь эти тяжёлые фанерные конструкции должны были превратиться в Верону.

* * *

В место, где дети играют любовь так искренне, будто сами ещё не знают, насколько она может быть настоящей.

Бенджамин вместе с двумя ребятами осторожно тащил тяжёлую деревянную скамью — основу будущего балкона для сцены из «Ромео и Джульетты». Ножки с противным скрежежом царапали пол спортзала, где между баскетбольными щитами и свернутыми матами годами хранились школьные декорации. Позади громоздились массивные бутафорские блоки, покрытые тёмно-серой краской и шероховатой текстурой, имитирующей старый камень.

* * *

Путь до актового зала оказался длиннее, чем казалось сначала.

* * *

Через шумные коридоры, мимо кабинетов с дрожащими лампами, скрипящих дверей и школьного гула, который ни-

когда не исчезал полностью. Потом — лестница с тусклым жёлтым светом, ступени которой будто становились выше с каждым подъёмом.

* * *

Скамья давила на плечи.

* * *

Руки постепенно теряли силу, мышцы спины наливались тупой тяжестью, дыхание стало чаще. Помощники старались изо всех сил, но даже им было件нятно: большую часть веса держит именно Бен. Они скорее цеплялись за груз вместе с ним, чем действительно облегчали ношу.

* * *

Он чуть замедлил шаг.

* * *

На секунду ослабил хватку, чувствуя, как усталость медленно вгрызается под кожу.

* * *

И именно в этот момент его увидела Мэри.

* * *

Она стояла у дверей актового зала вместе с подругами. Девушки тихо переговаривались, но сама Мэри почти не слушала их. Её взгляд был прикован только к Бенджамину — к тому, как он несёт на себе эту тяжесть, как напряжены его руки, как упрямо он идёт вперёд, будто не позволяет себе показать слабость.

* * *

Она едва заметно нахмурилась.

* * *

В её глазах промелькнуло то тихое беспокойство, которое появляется лишь тогда, когда чужая усталость начинает болеть внутри тебя самого.

* * *

Подруги что-то шептали, надеясь, что он справится и ничего не уронит, а Мэри думала только об одном — чтобы всё это скорее закончилось.

* * *

Когда скамью и каменные блоки наконец поставили возле сцены, Бен медленно выпрямился, провёл ладонью по влажному лбу и глубоко вдохнул.

* * *

И почти сразу посмотрел на неё.

* * *

Будто всё это время именно её взгляд удерживал его на ногах.

* * *

Он улыбнулся — коротко, устало, но по-настоящему тепло. Как человек, который получил награду не словами, а самим присутствием другого человека рядом.

* * *

Бен встряхнул руками, разминая забившиеся мышцы. Работа действительно была тяжёлой, но мысль о том, что после репетиции он сможет пригласить Мэри погулять, делала лю-

бой груз легче.

* * *

Ему даже не нужно было искать её глазами.

* * *

Он чувствовал, где она стоит.

* * *

Каждый раз, когда они заносили новую декорацию, первой мыслью Бена было проверить — смотрит ли Мэри.

* * *

Она стояла чуть позади трёх девочек, оживлённо шептавшихся между собой. Судя по взглядам, главным героем разговора был именно Бенджамин. Его прогулы, драки, конфликты, репутация парня, живущего будто по собственным правилам, давно превратились в школьную легенду. А такие мальчишки всегда становятся темой разговоров.

* * *

Особенно среди девочек.

* * *

Бен тем временем начал раскатывать рукава рубашки обратно вниз. Во время работы он закатал их почти до локтей, чтобы ткань не мешала, но теперь пальцы слушались плохо. Предплечья были так забиты после переноски, что ему с трудом удавалось нормально сжать ладонь.

* * *

После нескольких безуспешных попыток он сдался.

* * *

И направился прямо к девочкам.

* * *

Те мгновенно притихли.

* * *

В этой школе, как и в любой другой, существовали свои невидимые границы. Театралы держались с театрами, спортсмены — со спортсменами, отличники — с отличниками. А Бенджамин вообще словно существовал отдельно от всех.

* * *

Борец. Новенький. Постоянный участник школьных конфликтов.

* * *

Поэтому, когда он направился к ним через кулисы, три подруги Мэри заметно напряглись, решив, что он идёт именно к ним.

* * *

Но Бен лишь аккуратно обошёл крайнюю девочку полубоком, чтобы не протискиваться между ними, и остановился перед Мэри.

* * *

Перед единственным человеком, который мог смутить его одним взглядом сильнее, чем целый школьный зал.

* * *

— Мэри, застегнёшь мне пуговицы на рукавах? — негромко спросил он. — А то у меня с этим совсем плохо...

Ты, наверное, уже заметила.

* * *

Мэри подняла на него глаза — светлые, спокойные, наполненные мягкой насмешкой — и тихо хихикнула.

* * *

Конечно заметила.

Она осторожно взяла его за рукав и начала застёгивать пуговицы.

* * *

Со стороны это выглядело почти неправдоподобно красиво: высокий, сильный парень стоял неподвижно, терпеливо ожидая помощи, а маленькая светловолосая девушка аккуратно поправляла его одежду, будто это было самым естественным делом на свете.

* * *

В такие мгновения человек особенно остро понимает: нежность иногда способна обезоружить сильнее любой силы.

* * *

— Почему они всё время шепчутся? — тихо спросил Бен.

* * *

— Потому что никогда бы не подумали, что такой, как ты, и такая, как я... вообще можем поладить.

* * *

— Они как-то странно на нас смотрят.

* * *

— Может, это твои новые поклонницы, — улыбнулась

Мэри. — А ты ради меня хотел тринадцать подвигов совершить.

* * *

Она подняла взгляд от его рукавов к глазам.

* * *

И время будто споткнулось.

* * *

Бенджамин давно хотел пригласить её погулять после репетиции, но каждый раз слова застревали внутри. Сейчас же, глядя на неё с такого близкого расстояния, он окончательно потерял мысль.

* * *

— Готово, — тихо сказала Мэри.

* * *

И в тот же миг по залу разнёсся голос мисс Браун:

* * *

— Так, дети, пора начинать репетицию!

* * *

Мэри отвлеклась на преподавательницу, и тогда Бен осторожно коснулся её локтя, привлекая внимание.

* * *

— Мэри... ты не против немного погулять после репетиции? Я тебя подожду. Потом провожу домой.

* * *

Он замолчал, ожидая ответа.

* * *

И, как всегда, сомнения успели ударить быстрее уверенности.

* * *

— Если конечно...

* * *

Но договорить он не успел.

* * *

Мэри мгновенно перебила его:

* * *

— Да.

* * *

Она сказала это так быстро и так искренне, что Бен даже растерялся.

* * *

Глаза девушки светились неподдельным счастьем.

* * *

А потом она, смущённо улыбнувшись, почти убежала на сцену.

* * *

Бен остался стоять возле кулис, машинально запустив пальцы в волнистые волосы.

* * *

Он никак не мог поверить, что она действительно так обрадовалась его приглашению.

* * *

Даже несмотря на мороз.

* * *

Даже несмотря на вечер.

* * *

Даже несмотря ни на что.

* * *

* * *

* * *

Во время репетиции Бен устроился как можно дальше — на последнем ряду у самого входа, стараясь не мешать ребятам своим присутствием.

* * *

Но взгляд его всё равно был прикован только к одной актрисе.

* * *

Мэри двигалась по сцене удивительно легко и естественно. В её жестах не было наигранности — только тихая искренность, от которой даже такой далёкий от театра человек, как Бенджамин, понимал: именно ради неё стоит смотреть все школьные спектакли.

* * *

Остальные девочки, конечно, тоже заметили зрителя в зале.

* * *

Это читалось в их движениях, в старательно выговариваемых репликах, в желании выглядеть чуть ярче обычного.

* * *

Но Бен смотрел только на Мэри.

* * *

Даже если бы она стояла молча за кулисами, для него всё равно существовала бы только она одна.

* * *

Репетиция проходила шумно и живо. Мисс Браун бесконечно поправляла учеников, а те покорно исправляли ошибки. И неожиданно для самого себя Бен понял, что ему здесь нравится.

* * *

В этой суматохе, в старом свете прожекторов, в декорациях из фанеры и краски было что-то удивительно настоящее.

* * *

Он даже подумал о Скотте.

* * *

«Ему бы понравилось», — мелькнуло у Бена в голове. — «Когда спектакль будет готов, надо обязательно его сюда привести».

* * *

* * *

* * *

Репетиция длилась почти час.

* * *

Под конец мисс Браун, как всегда, выстроила ребят в линию и поблагодарила их за работу. Это был её маленький ритуал. Она искренне верила, что любой труд должен быть

замечен — если не деньгами, то хотя бы словами.

* * *

И, возможно, именно поэтому дети её так любили.

* * *

Когда всё закончилось, зал постепенно начал пустеть. Ребята надевали куртки, шарфы, перчатки, готовясь выйти в морозный вечер.

* * *

Мэри быстро переобулась, схватила сумочку и почти сразу поспешила к Бену.

* * *

— Я закончила. Теперь можем идти, — сказала она с таким энтузиазмом, будто ждала этого весь день. — Ты не устал меня ждать?

* * *

— Нет, ты что. Мне даже понравилось. Только долго сидеть тут нельзя, а то ещё поумнею настолько, что завтра запишусь в кружок по химии. И тогда уже тебе придётся ждать меня.

* * *

Он поднялся с кресла и жестом попросил у неё книги.

* * *

— Тогда бежим скорее, — рассмеялась Мэри.

* * *

Как всегда немного робко, она передала ему учебники, и они вместе пошли к её шкафчику.

Потом — вниз по коридорам, через лестницы, мимо сонного Артура Цопсона, дежурившего сегодня в школе. Попрошавшись с ним, ребята наконец вышли наружу.

* * *

Мороз встретил их сразу.

* * *

Небо было глубоким, звёздным. Снег тихо хрустел под ногами. На улицах почти никого не осталось — лишь редкие прохожие спешили домой сквозь холод.

* * *

Но Бен и Мэри шли медленно.

* * *

Им было совершенно неважно, куда именно идти.

* * *

Главное — вместе.

* * *

— Ты тепло оделась? — вдруг обеспокоенно спросил Бен. — Надо было заранее тебя позвать... Чтобы ты потеплее собралась. У меня всё всегда наоборот: сначала делаю, потом думаю.

* * *

Он виновато прикусил губу так, будто совершил что-то действительно ужасное.

* * *

Мэри тихо улыбнулась.

* * *

— Здесь так спокойно... Мне нравится, что сейчас только мы с тобой гуляем по городу. Я вообще редко вот так хожу вечером. И знаешь... мне тепло.

* * *

Она смотрела себе под ноги, осторожно шагая по снегу.

* * *

Бен всё ещё мысленно ругал себя за то, что вытащил её в такой холод. И будто почувствовав это, Мэри неожиданно взяла его под руку.

* * *

Просто. Без слов. Без смущения.

* * *

И этот жест подействовал на него сильнее любого успокоительного.

* * *

Теперь ему казалось, что он смог бы идти с ней даже через снежную пустыню Аляски — лишь бы она продолжала держаться за него так же.

* * *

Некоторое время они шли молча.

* * *

Мэри никогда не была болтливой. Она говорила только тогда, когда действительно хотела что-то сказать. И именно это Бен особенно ценил в ней.

* * *

Но после её прикосновения тревога внутри него постепен-

но начала отступать.

* * *

Он снова вспомнил историю Скотта — про лунную девушку и мальчика с Земли.

* * *

И почему-то сейчас эта сказка уже не казалась ему такой уж сказкой.

* * *

— Кстати... — вдруг оживился Бен. — Раз уж я сегодня столько раз сказал слово «честно», хочешь, расскажу тебе одну историю про него?

* * *

И, как всегда бывало рядом с Мэри, ему неожиданно захотелось говорить.

Рассказать ей не очередную школьную глупость или историю про драку, а показать самого себя — того, кого обычно никто не видел.

* * *

И Бенджамин сам не понимал, почему ему так сильно хочется это сделать.

* * *

Но рядом с Мэри в нём будто открывалась какая-то другая часть души — тихая, живая, умеющая чувствовать. В её присутствии он мог бы стать не просто разговорчивым человеком. Казалось, рядом с ней даже молчаливый парень способен однажды превратиться в поэта.

* * *

Наверное, именно такими и должны быть девушки.

* * *

И для Бена такой девушкой была Мэри.

* * *

— Знаешь... — наконец произнёс он, нарушая тишину.

— Эта моя привычка с «честно»... Я только сейчас понял, что она у меня вообще из детства.

* * *

Мэри сразу подняла на него заинтересованный взгляд.

* * *

— Да? Я, кстати, замечала, что ты часто так говоришь. Но не думала, что это с чем-то связано.

* * *

— Я и сам не думал. Казалось, просто слово-паразит. А потом вспомнил одну историю...

* * *

Он поправил шапку, словно пытался вместе с тканью встряхнуть воспоминания.

* * *

— В детстве со мной постоянно происходили какие-то странные вещи. В садике я был настоящим бедствием. То случайно локтем переверну тарелку с кашей соседу прямо на колени. То измажусь краской и полезу обниматься с воспитательницами. То спрячусь под кроватью во время тихого часа и лежу там, представляя, будто нахожусь где-нибудь в

тёплой стране и смотрю на звёзды.

* * *

Мэри слушала его так внимательно, будто проживала все эти сцены вместе с ним.

* * *

Она улыбалась — тихо, по-детски искренне. И каждый раз, когда Бен замечал на её щеках лёгкий румянец или видел, как она смущённо прикрывает лицо ладонью, мысли мгновенно путались.

* * *

Даже звёздное небо над их головами не могло отвлечь его так, как это делала она.

* * *

— В общем, — продолжил Бен после короткой паузы, — воспитательница у меня была очень добрая. Иначе меня бы давно прибили за все мои выходки. Она быстро поняла две вещи: во-первых, врать я вообще не умею — у меня всё на лице написано. А во-вторых... если я что-то пообещал, то уже не мог нарушить слово.

* * *

Он усмехнулся.

* * *

— Походу, она провела какой-то тайный психологический анализ и решила использовать это против меня.

* * *

Мэри тихо засмеялась.

* * *

— Однажды после прогулки мы должны были возвращаться на обед. Все играли на площадке, а я зачем-то ушёл бродить по территории сада. Дошёл до заднего двора, сел на какую-то старую шину и начал о чём-то думать. Даже сам не помню о чём.

* * *

Снег тихо хрустел под их ногами.

* * *

Город вокруг будто растворялся в вечернем свете гирлянд, оставляя только их двоих посреди зимней тишины.

* * *

— Я просидел там очень долго. Услышал, как воспитательница зовёт всех на обед... и почему-то решил не идти. Просто остался сидеть дальше.

* * *

— Бен... — тихо выдохнула Мэри.

* * *

— Ага. В итоге группа ушла, а меня потеряли. Полчаса искали по всему саду. Представляешь?

* * *

Он засмеялся, вспоминая это.

* * *

— Когда мне наскучило сидеть одному, я спокойно вернулся обратно. Захожу — а меня видит воспитательница из другой группы и как закричит... Я тогда решил, что всё.

Жить мне осталось минут пять.

* * *

Мэри уже смеялась вместе с ним.

* * *

— Она так схватила меня за руку, что я это до сих пор помню. Притащила к моей воспитательнице, а та увидела, что я и так перепуган, и не стала кричать. Просто посадила напротив себя и начала объяснять, почему так делать нельзя.

* * *

Он на секунду замолчал, будто снова увидел ту маленькую комнату детского сада.

* * *

— Потом она спросила: «Бен, ты больше так не будешь?» Я сказал: «Не буду». А ей оказалось мало. И тогда она спросила: «Честно не будешь?»

* * *

Бен улыбнулся уголком губ.

* * *

— И я почему-то ответил: «Честно, честно».

* * *

— Два раза? — улыбнулась Мэри.

* * *

— Да. Понятия не имею зачем. Но после этого она всегда заставляла меня давать слово именно так. И со временем это настолько въелось в голову, что осталось до сих пор.

* * *

Он сунул руки в карманы и чуть сильнее втянул голову в шарф от холода.

* * *

— Поэтому, когда я говорю просто «честно», это значит, что я не вру. А если говорю «честно, честно»... значит, даже если у меня помутнение рассудка начнётся, я всё равно не смогу нарушить обещание.

* * *

Мэри задумчиво посмотрела на него.

* * *

— Значит, врать ты совсем не умеешь?

Бен покачал головой.

* * *

— И слово всегда держишь?

* * *

— Всегда.

* * *

Она помолчала несколько секунд, а потом мягко сказала:

* * *

— Знаешь... история у тебя, конечно, связана с проделками. Но такие качества дорого стоят. Мне кажется, даже тогда, несмотря на весь хаос вокруг себя, ты всё равно был хорошим мальчиком.

* * *

Бен искоса посмотрел на неё.

* * *

— Думаешь?

* * *

Мэри прижала ладонь к груди и с нарочитой серьёзностью
ответила:

* * *

— Да. Честно, честно.

* * *

Они оба не выдержали и рассмеялись.

* * *

Их смех разлетелся по пустынной аллее, растворяясь среди
снега, фонарей и тысяч одинаковых зимних улиц.

* * *

* * *

* * *

Они продолжали идти куда глаза глядят.

* * *

Некоторые улицы были незнакомы даже Мэри, и потому
прогулка превращалась в маленькое путешествие для них
обоих.

* * *

— А какой ты была в детском саду? — спросил Бен.

* * *

Мэри задумалась.

* * *

— Честно? Мне кажется, я всегда была такой же, как сей-
час.

* * *

— Тогда ты точно была любимицей всех воспитателей.

* * *

— Ну... — она смущённо улыбнулась. — Если честно, так и было.

* * *

Она тихо рассмеялась, и Бен невольно улыбнулся следом.

* * *

— У нас в садике постоянно ставили спектакли. И я участвовала почти во всех. Папа очень любил смотреть, как я выступаю. Покупал мне костюмы, приходил на утренники... Даже воспитатели разрешали ему заходить пораньше ради этого.

* * *

Её голос стал теплее.

* * *

— Я даже Санта-Клаусом однажды была.

* * *

— Да? — серьёзно переспросил Бен. — Уверен, тебе бы даже борода пошла.

* * *

Он тут же осёкся.

* * *

— Это был комплимент. Честно.

* * *

Мэри тихо засмеялась, и напряжение внутри него сразу

исчезло.

* * *

— Получается, ты с детства играешь на сцене?

* * *

— Да. И в школе сразу пошла в театральный кружок, как только он появился.

* * *

Она говорила об этом совсем иначе, чем обо всём остальном. Живее. Ярче.

* * *

— Иногда мне кажется, что персонажи остаются внутри тебя, если сыграть их по-настоящему. Если прочувствовать до конца. И когда герой тебе близок... появляется ощущение, будто часть его становится частью тебя самой.

* * *

Она невольно начала двигать руками, словно уже стояла на сцене перед светом прожекторов.

* * *

— Это невозможно объяснить словами. Когда выходишь на сцену, внутри всё дрожит... но именно из-за этого ты чувствуешь себя живой.

* * *

Бен смотрел на неё почти заворожённо.

* * *

— А я вот даже стих у доски нормально рассказать не могу, — признался он. — Не понимаю, как вы вообще играете

перед людьми. Это выглядит... красиво.

* * *

— Ко всему привыкаешь. Я ведь сама очень стеснительная.

* * *

— Ты?

* * *

— Да. Просто сцена стала для меня вторым домом.

* * *

Некоторое время они шли молча.

* * *

Потом Бен неожиданно сказал:

* * *

— Знаешь, Мэри... я всё равно не понимаю, почему главная роль не у тебя.

* * *

Она сразу поняла, о чём он.

* * *

— Потому что Джульетту играет дочь подруги мисс Браун, — спокойно ответила Мэри. — Тут всё было решено заранее.

* * *

В её голосе не было обиды. Только спокойное принятие.

* * *

— Но мне правда не важно быть главной. Я не ради внимания этим занимаюсь. Мне просто нравится играть. Нра-

вится сам момент, когда стоишь под светом, слышишь тишину зала... а потом аплодисменты.

* * *

Она показала ему руку, покрывшуюся мурашками.

* * *

— Вот даже сейчас мурашки пошли.

* * *

Бен улыбнулся.

* * *

— У тебя вообще необычное восприятие мира. Ты умеешь чувствовать обычные вещи так, будто они происходят где-нибудь в Париже под Эйфелевой башней.

* * *

Сказав это, он сам смутился и нервно усмехнулся.

* * *

— А парень, который играет Ромео? — быстро перевёл тему Бен. — Он мне показался... не очень уверенным.

* * *

— Диллон? — Мэри вздохнула. — Ну... если честно, ему действительно не хватает опыта. Роль слишком сложная для него. Но у нас вообще почти нет мальчиков в кружке. Ты же видел.

* * *

Она пожала плечами.

* * *

— А Диллон хотя бы смог выучить текст. Пусть криво, но

смог. Так что выбора у мисс Браун особо не было.

* * *

— Он ещё и часто болеет, да?

* * *

— Постоянно. Причём всегда чем-то новым. Иногда мисс Браун самой приходится играть Ромео на репетициях.

* * *

Бен рассмеялся.

* * *

— Вот это я бы посмотрел.

* * *

* * *

* * *

Они гуляли ещё долго.

* * *

Улицы сияли рождественскими гирляндами. Витрины переливались тёплым светом, снег серебрился под фонарями, а мороз становился всё крепче.

* * *

И именно тогда Бен заметил небольшое кафе в конце узкой улочки.

Тёплый жёлтый свет лился из окон прямо на снег.

* * *

— Мэри, пойдём туда, — сказал он. — Оно выглядит так, будто внутри прячется целая другая эпоха.

* * *

Мэри сразу поняла, зачем он это предлагает.

* * *

Не ради еды.

* * *

Ради неё.

* * *

Чтобы она согрелась.

* * *

И именно поэтому сначала попыталась отказаться — слишком хорошо чувствовала, что у Бена, возможно, нет лишних денег.

* * *

Но он уже уверенно направился к двери.

* * *

Так что ей оставалось только пойти следом.

* * *

* * *

* * *

Кафе оказалось маленьким, но удивительно уютным.

* * *

Словно кусочек Америки пятидесятых, случайно затерявшийся среди зимнего города.

* * *

Стены были выложены старым красновато-коричневым кирпичом с трещинами и потёртостями, будто помещение когда-то действительно служило складом, а потом обрело

новую жизнь. На деревянных полках стояли потрёпанные книги — старые комиксы, классические романы, пожелтевшие журналы.

* * *

Стоило ребятам войти внутрь, как мороз остался за дверью.

* * *

Воздух был наполнен ароматом свежего какао — густого, сладкого, с нотками ванили и корицы, будто сама зима решила на время стать доброй.

* * *

— Как тут уютно... — прошептала Мэри, снимая куртку. — Такое чувство, будто мы вошли в машину времени.

* * *

Она осторожно провела пальцами по корешкам старых книг.

* * *

А Бен уже смотрел на столик у окна.

* * *

На улицу медленно падал снег, гирлянды отражались в стекле, а за тёмным небом одна за другой зажигались звёзды.

* * *

И почему-то именно в этот момент ему показалось, что весь мир наконец стал тихим настолько, чтобы он смог услышать собственное сердце.

Мэри опустилась на стул напротив Бена, позволив губам

тронуться едва заметной, сдержанной улыбкой. Она видела, как мальчик, сраженный волнением, лихорадочно пробегает пальцами по волосам, пытаясь укротить непокорные пряди. Ему хотелось быть безупречным рядом с ней — не потрепанным ветром, а аккуратным, как подобает юному джентльмену.

— Тебе нравится какао? — спросил Бен, чтобы скрыть дрожь в голосе.

— Да, конечно. Особенно в такую погоду, — Мэри обвела взглядом замерзшие окна. — Горячий какао — лучший способ укротить зимний вечер.

Пока они обменивались первыми, робкими фразами о вкусах, к столику подошла официантка в ретро-фартуке, напоминающем эпоху пятидесятых. Бенджамин, стараясь не выдать тревоги, заказал какао и печенье с шоколадной стружкой, выпеченное в форме звезд. Это был предел его скромного бюджета. Тень беспокойства легла на его лицо: он боялся, что Мэри захочет чего-то еще, а у него не хватит монет в кармане. Эта мысль жалила его, как холодная игла.

Но Мэри, еще на пороге кафе считавшая мелкие монетки в его руке, понимала его положение без слов. Она не собиралась искушать судьбу и была безмерно благодарна за этот жест. В глазах Мэри, привыкшей к избытку и показному великодушию сцены, поступок Бена выглядел не просто щедростью, а высшим проявлением благородства. Легко дарить, когда у тебя всего в избытке. Но отдавать последнее, чтобы

согреть улыбку девушки в морозную ночь? Это был подвиг чистой, бескорыстной души. Сидеть с ним сейчас в теплом свете кафе было для нее счастьем, не требующим дополнений.

— Ой, Бен, — вдруг спохватилась Мэри, смущенно всплеснув руками. — Я так разглядывала витражи и детали интерьера, что даже забыла спросить: а тебе самому нравится какао?

— Знаешь, у меня с какао отдельная история, — ответил мальчик, вертя в пальцах зубочистку. Ему нужно было хоть чем-то занять руки, чтобы сосредоточиться на разговоре, иначе он бы просто растворился от смущения под ее взглядом. — Ты уже заметила, что я люблю предыстории. Помнишь, как я рассказывал про садик?

— Да, и мне это очень нравится. Расскажи, — Мэри подперла подбородок ладонью, чуть склонив голову. Ее глаза засветились предвкушением. Она любила слушать его — вдохновенного, живого, не похожего на тех, кто играет роли в жизни.

Бен вздохнул, и улыбка тронула его губы при виде воспоминаний.

— Все началось с того, что я был шокоголиком. Если день проходил без кусочка шоколада, у меня начинала кружиться голова. Конфеты, плитки, торты... Но однажды мама решила поставить меня на место из-за оценок и запретила сладкое, пока я не исправлюсь. Дома — пусто, только банка с какао

на верхней полке. Мне тогда казалось, что это спасение. Я был маленьким, и шкафы казались Эверестом. Я притащил два стула, влез на них, чувствуя себя цирковым гимнастом... и достал банку.

Он сделал паузу, и Мэри затаила дыхание.

— Но удержать не смог. Банка полетела вниз и разбилась. Я стоял над осколками и горой какао, зная, что мама устроит мне взбучку, от которой до сих пор холодок по коже. Но главное — я не мог смотреть, как драгоценный шоколад смешивается с пылью. Я взял ложку и ел какао прямо с пола, из-под шкафа. Вот насколько сильно я его любил.

Мэри слушала его, не моргая. В этом мальчишке не было ни капли фальши. Для актрисы, годами живущей в масках, искренность Бена была как глоток свежего воздуха после душной гримерной. В его простоте она видела ту редкую чистоту, которую теряют, взрослея.

Остаток вечера пролетел в уютной неге. Вопросы были почти детскими: «Любимый цвет?», «Лучшее животное?», «Какая роль была самой важной?». Но в этих простых ответах они переносились в беззаботное прошлое, где не было взрослых забот. Атмосфера становилась почти сакральной.

Глядя на часы, Бен понял, что пора. Он предложил проводить Мэри. Надев куртки и поблагодарив официантов, они вышли в морозную ночь, решив пройти через центр, чтобы напоследок взглянуть на огни города.

Дорога превратилась в череду историй. Бен оживленно

жестикулировал, рассказывая, как строил шалаши, ловил рыбу и как однажды после футбола у него болели даже носки. Мэри делилась секретами кулинарии и описывала свои роли, убеждая Бена, что театр — это не чуждое искусство, а просто еще одна форма жизни, которую стоит попробовать «взглянуть с интересом».

В центре они встретили Джорджа. Его белоснежная улыбка сияла так ярко, что Бен подумал: «Как же счастливы люди, занимающиеся любимым делом». Чуть позже им встретилась женщина, продававшая когда-то Бену свитер для Кармен. Она тут же узнала его, широко улыбнулась и, поздравив с Рождеством, добавила напоследок: «Никогда не забуду такого мужественного молодого человека, выбирающего женский подарок!»

— Мы можем пойти ко мне через твой район, — сказала Мэри, когда огни центра остались позади. — Я знаю короткий путь. Можно пройти мимо твоего дома.

Но Бен не успел ответить. Мэри вдруг ускорила шаг, и лицо ее изменилось.

— Прости, Бен, я на секунду, — бросила она и направилась к уличному музыканту.

Скрипач на углу играл мелодию, казавшуюся прохожим лишь приятным фоном, шелестом зимы. Но для Мэри это была не просто музыка. Бен увидел, как она сплела пальцы на груди, прижав их к сердцу. В ее глазах, похожих на два темных изумруда, отражалась не просто скрипка, а целый мир,

скользящий под смычком. Бен молча подошел и встал рядом, не желая нарушать этот интимный момент.

Мэри пыталась сдержать слезы, боясь, что Бен подумает о ней как о капризной актрисе. Но тепло, исходящее от мальчика рядом, было таким надежным. Ее голова сама собой нашла опору на его плече, и мир вокруг замер.

Бен замер от неожиданности. Смущенная, замкнутая Мэри сама выбрала этот контакт. Вместо того чтобы спрашивать, он просто положил руку ей на плечо, легонько приобнимая. Он чувствовал легкий аромат ее духов, смешанный с запахом охлажденной кожи и какао.

Вечер, казалось, достиг своей абсолютной полноты. Под аккомпанемент скрипки их молчание стало громче любых слов.

Музыка скрипача стелилась по морозному воздуху, казалось, лишь украшая улицу легким фоном. Но для Мэри она была чем-то иным — сакральным кодом, способным разомкнуть замки прошлого. Бен увидел, как девушка сплела пальцы на груди, словно пытаясь удержать сердце от прыжка. Ее глаза, два темных изумруда, отражали не просто личного музыканта, а тени той жизни, что осталась за кулисами. Бен молча встал рядом, не смея нарушить этот момент, и вслушивался в мелодию, чувствуя, как на ресницах Мэри тает иней ее сдерживаемых слез.

Ей не хотелось плакать при нем, казаться слабой или расстроенной. Но тепло, исходящее от мальчика, было таким

надежным, что ее голова сама собой нашла опору на его плече. Мир вокруг замер. Бен оцепенел от неожиданности: Мэри, всегда державшая дистанцию, сама выбрала этот контакт. Вместо вопросов он лишь крепче обнял ее за плечи, вдыхая тонкий аромат ее духов, смешанный с запахом охлажденной кожи и какао. Этот миг был прекраснее любой декорации в театре.

Когда мелодия оборвалась, они поблагодарили музыканта мелочью из карманов и пошли дальше — через район Бена, как и договаривались. Мэри, уже привыкшая к его широкому плечу, робко взяла его под локоть. Их шаги стали единым ритмом. Это было первое прикосновение такой интимности, что оба стеснялись заговорить, делая вид, будто ничего не происходит, хотя сердца бились в унисон под толщей зимней одежды.

— Это была скрипка, Бен, — тихо начала Мэри, глядя на свои ботинки, разбивающие маленькие сугробы. — Эта мелодия... она очень дорога мне.

Бен, чьи мысли парили где-то в облаках от самого прикосновения ее руки, мгновенно вернулся к реальности, ловя каждое ее слово.

— Я никогда не видела маму, — голос девушки стал тише, словно она открывала старый альбом. — Папа рассказывал, что она была танцовщицей. Эта музыка... она похожа на пластинку, которую папа крутил каждый вечер перед сном. Он рассказывал мне о репетициях мамы, об их любви. Мне

всегда казалось, что сидя в зале на моих спектаклях, он видит в моем лице ее отражение. Эта мелодия — эхо их счастья. Прости, что я так расчувствовалась.

— Только не извиняйся, — мягко перебил он. — Я и сам стоял бы там весь вечер, лишь бы быть рядом с тобой. Пусть даже скрипач замерз бы насмерть, я бы не променял этот миг ни на что.

Мэри подняла глаза. Они были влажными, но сияющими такой чистой радостью, что Бену захотелось защитить этот свет от всего мира.

Шли молча, пока Бен не решился задать вопрос, который мучил его с самого начала их знакомства: — Мэри, ты решила уже, куда поступать? С твоим талантом тебе самое место в университете актерского мастерства. Ты покоришь большую сцену, я это знаю.

Девушка лишь крепче сжала его локоть. Ее лицо стало серьезным, и Бен понял: ответ будет непростым.

— Я решила, Бен. Я никуда не поступлю.

— Но почему? — он остановился, заставляя и ее замереть.
— А мечта? А сцена?

— Иногда жизнь расставляет приоритеты, и сердце не слушает мечты, — она тяжело вздохнула, и пар облаком растворился в холодном воздухе. — Мой папа остался совсем один. После мамы он как маленький ребенок, ему нужен уход. Если я уеду в другой штат, кто о нем позаботится? Я не смогу уснуть, не зная, как он там. Я останусь здесь, найду работу,

а по вечерам буду помогать мисс Браун в постановках. Это мой выбор. Нельзя строить свое будущее, забывая о тех, кто дал тебе жизнь.

Бен смотрел на нее с растущим трепетом. В этой хрупкой девушке жило сердце великана. Слова казались бессильными перед такой жертвенностью. Он высвободил руку, сделал шаг вперед и, встав перед ней, заключил ее в объятия — так крепко, словно хотел уберечь от суровой реальности.

— Ты всегда за всеми присматриваешь, Мэри, — прошептал он, и голос его сел от мороза и волнения. — А теперь я хочу быть тем, кто присмотрит за тобой.

Мэри замерла. Ее сердце заколотилось так сильно, что, казалось, его стук слышен на весь заснеженный переулок. Зажмурившись, она уткнулась лицом в его плечо, желая, чтобы этот миг длился вечно. В тишине, где не звучало ничего, кроме стука их сердец, объятия говорили больше, чем тысячи реплик из пьес.

Но идиллию нарушил резкий, пронзительный голос: — Эй, молодой человек! У рубильника дерните, свет включите! Темнота-то какая!

Бен вздрогнул и разжал объятия. Из дома неподалеку выходила Долорес, соседка, обычно сама включавшая фонарь перед домом Бена. Но сегодня она задержалась у приятельницы, забыв о своей «миссии».

Мальчик с досадой стиснул зубы. «Почему именно сейчас?» — пронеслось в его голове. Он неохотно отошел, дер-

нул рычаг, и улицу залил яркий, неестественно белый свет фонаря, выхватывая из темноты пустой проулок.

— Спасибо! С Рождеством! — крикнула Долорес, поспешно скрываясь в тепле дома, прижимая к груди пальто, чтобы не раздеваться дважды.

Бен вернулся к Мэри, его лицо выражало такое комичное раздражение, что она не выдержала и рассмеялась — тихо, но искренне. Ей было немного обидно, что миг прервали, но вид расстроенного Бена, готового броситься обратно в темноту только ради того, чтобы продолжить их объятия, согрел ее сильнее любого какао.

— Кажется, даже фонарный столб сегодня против нас, — усмехнулся он, вновь предлагая ей руку.

— Зато теперь нас точно видно, — ответила Мэри, вновь переплетая свои пальцы с его локтем. — И это прекрасно.

Бен заметил, как Мэри улыбается всей этой нелепой ситуации с фонарем, и невольно подхватил ее улыбку. Он шагнул к ней, собираясь предложить наконец пойти к ней домой — теперь, когда он выучил этот короткий путь от центра, ему не терпелось стать ее провожатым до самого крыльца.

Он только открыл рот, чтобы позвать ее, как сзади, разрезая морозный воздух, прозвучал зов: — Бенджамин!

Это был не просящий тон, как у соседки Долорес, а настойчивый, тревожный голос матери. Мальчик даже не стал оборачиваться — он узнал бы этот тембр из тысячи. Долорес, спохватившись, что соседка забыла дома носки, пода-

ренные ее дочке к Рождеству, выскочила на улицу. Зрение у нее подводило, но материнское чутье подсказало: тот силуэт в конце улицы, стоящий посреди дороги в такой холод — это ее сын. Она не могла знать, что рядом с ним не школьный товарищ, а девушка с изумрудными глазами.

— Бенджамин, на улице же ледяной ад! — Долорес прикрывалась ладонью от снега, летящего в глаза. — Немедленно заходите домой со своим... приятелем!

— Мама, но мы... — начал Бен, пытаясь вставить слово.

Но Долорес, наконец разглядев рядом с сыном изящный силуэт, осеклась. Ее лицо сменило растерянность на бурную радость. — Ой! Да это же девушка? — Она перевела взгляд с ошарашенного Бена на Мэри. — Так что же вы стоите? Заходите скорее, согреетесь! Я только отдам соседке подарок и буду через минуту. Садитесь на кухне, я сейчас... — И она, задрав воротник пальто, засемила к дому напротив.

Бен почесал затылок поверх шапки, чувствуя, как уши заливаются краской под взглядом Мэри. — Прости, похоже, придется зайти. Мамины приказы не обсуждаются с рождения. Если ты, конечно, не против... — начал он виновато, но Мэри, понимая его неловкость, легким движением оборвала его тираду.

Она прошла мимо, оставив его чесать затылок в одиночестве, и на ходу, через плечо, бросила: — Конечно, Бен. Я только рада.

Мальчик моргнул. Удивление становилось его постоян-

ным состоянием сегодня, и лицо грозило превратиться в маску вечного изумления. Спohватившись, он догнал ее, и они легким шагом направились к крыльцу.

— Я думал, ты откажешься, услышав этот тон, — признался он, распахивая перед ней дверь.

— Как я могу отказать твоей маме? — Мэри переступила порог, сбрасывая обувь. Бен тут же подставил ей под ноги свои теплые тапочки. — Заботу нужно ценить, Бен. То, как она переживает за нас... мне это очень дорого. Спасибо за дверь, кстати.

— У вас даже размер ноги одинаковый, — усмехнулся он, наблюдая, как она ныряет в его домашние вещи.

— Значит, есть уже что-то общее, — тихо, но с глубоким смыслом поддержала она.

На кухне уже суетилась Долорес. Ворвавшись следом, она принялась быстро протирать стол, даже не извинившись за беспорядок. — Господи, я целый день в бегах, тут такой сумбур! — приговаривала она, ставя на плиту чайник. Наконец, отдышавшись, она присела напротив гостей. Ее взгляд скользнул по раскрасневшимся лицам детей, и она мягко улыбнулась.

Ребята сидели, слегка поеживаясь под ее взглядом. Долорес понимала: они робеют. — Меня зовут Долорес, я мама этого сорванца, — начала она, кивая на сына.

— Меня — Мэри, — девушка подарила ей ту самую ослепительную улыбку, которую не могла сдержать при виде та-

кого гостеприимства.

— Очень приятно, Мэри, — глаза Долорес теплели. — Я безумно рада, что мой Бен дружит с такой приятной девушкой.

Долорес поставила на стол фарфоровые чашки, и пар от крепкого чая пошел вверх, окутывая лица ребят мягкой дымкой. Она набросила на плечи детей вязанные пледы — тяжелые, пахнущие лавандой и домашним уютом, — и устроилась напротив, словно готовясь к долгой беседе.

— А давно ты живешь в нашем городке, Мэри? — спросила она, размешивая сахар.

— Всю жизнь, мисс Долорес. С самого рождения.

— Ой, я после замужества сюда попала, может, чего и не заметила... Но город кажется застывшим во времени.

— Именно так, — улыбнулась девушка, согревая ладони о горячую керамику. — В маленьких городках время течет иначе. Мне нравится эта тишина, эта неизменность. Хочется верить, что он всегда останется таким — спокойным убежищем.

— Согласна, — кивнула Долорес, и в ее глазах зажегся интерес.

Разговор потек неспешно, как мед из сот. Мэри рассказывала о школе, о летних подработках, о том, как тяжело таскать декорации в актовый зал, но как Бенджамин помог ребятам, когда те уже падали с ног. Бен, привыкший к мужскому обществу, сначала сидел в углу дивана, потягивая вторуюю

чашку, но постепенно втянулся. Ему было приятно слушать, как Мэри говорит о нем — не как о сорванце, а как о надежном человеке.

— Так, расскажи мне про этого раздолбая, — с лукавой улыбкой перебила Долорес. — Он там в школе-то ведет себя прилично?

— Бенджамин зарекомендовал себя как ответственный ученик, — серьезно, но с искоркой в глазах ответила Мэри. — Сегодня, например, он спас наш спортзал. Ребята не могли сдвинуть декорации, а он один управился.

— Правда? — Долорес вскинула брови, переводя взгляд на сына. — Бенджамин?

— Ну... они там все были благодарны, — промямлил он, чувствуя, как непривычный комплимент заставляет его краснеть.

— Ничего себе. Надо градусник принести, — покачала головой мать, притворно хмурясь. — Ты точно мой сын? Или тебя подменили?

Мэри рассмеялась. Звонкий смех девушки наполнил кухню, но за ним Бен заметил нечто большее. Он видел, как Мэри смотрит на его мать — с какой-то щемящей, почти завистливой нежностью. В этих подколах, в этом теплом ворчании Долорес звучала такая чистая, безусловная любовь, которой Мэри, видимо, так не хватало. Бен вдруг остро осознал, что для нее этот вечер — не просто чаепитие, а глоток того тепла, которого она была лишена дома.

Позже Долорес притащила с антресолей старый альбом. Его кожаный корешок был потрескавшимся, страницы пожелтели, но фотографии хранили историю. Женщина уселась между ребятами и начала листать: вот она молодая на фоне старой мэрии, вот Бен в песочнице. Время на кухне замедлилось.

Когда за окном окончательно сгустились сумерки, Долорес начала собирать альбом. — Мне безумно приятно с тобой общаться, Мэри, — искренне сказала она. — Ты удивительная девушка. Иногда мне непонятно, как такой сорванец, как мой сын, удостоился твоей дружбы.

— Ну, мам... — Бен снова прыснул в кулак.

Мэри тем временем застегнула куртку. Она заметила, что в доме почти нет рождественского убранства — лишь одинокая веточка омелы над дверью, в то время как весь город сиял огнями. Она дождалась, пока Бен ушел в коридор за шарфом, и осталась с Долорес наедине.

— Извините... можно задать вам вопрос? — Мэри поправила волосы, чувствуя, как бьется сердце.

— Конечно, милая. Что-то случилось?

— Скоро Рождество... — девушка опустила глаза, глядя на узоры на скатерти. — Я каждый год праздную его только с отцом. А сегодня... сегодня я почувствовала, как это — быть частью чего-то большего. Не хотели бы вы отпраздновать его с нами? Я буду бесконечно рада, если вы придете. У нас тихо, но...

Долорес просияла, но воспитание взяло свое: — Спасибо, деточка. Но разве отец твой не будет против чужих людей?

— Напротив, — горячо возразила Мэри. — Он часто засыпает в кресле еще до полуночи от скуки. Если узнает, что будут гости, точно обрадуется. Пожалуйста.

В коридоре послышался скрип ступеньки. Бен стоял там, прислонившись к перилам, и затаив дыхание, ждал ответа. Долорес поймала его взгляд боковым зрением. — Бен, ты как считаешь?

— Ма, это отличная идея, — выдохнул он, выходя на свет.

Долорес помедлила, глядя то на сына, то на взволнованную девушку. — Хорошо, Мэри. Но с одним условием.

— Каким угодно!

— Я приду пораньше и помогу с готовкой. Я не привыкла приходить на все готовое, как барыня.

— Договорились! — Мэри сплела пальцы на груди, едва сдерживая радость. — Спасибо вам.

— Это тебе спасибо, милая, — ответила Долорес тем особенным, «материнским» тоном, от которого в груди Мэри разлилось горячее, обжигающее тепло.

Девушка понимала: предложение было тактичным. Она видела, как много на плечах этой женщины — работа, быт, сын, — и не хотела, чтобы Долорес чувствовала жалость. Это было приглашение в семью, а не милостыня.

Они вышли под шум ветра. Долорес напутствовала сына из дверей: — Бенджамин, доведешь девушку до крыльца! И

чтобы ни одного насморка, иначе мне с тобой разговаривать не захочется!

Они хихикнули и вышли в морозную ночь. Снег поскрипывал под ногами, холод пробирался под шарфы, но ничто не могло охладить их сердца. Это был просто рождественский ужин, обычное событие, но для Бена и Мэри оно значило всё. Они умели ценить малое: тепло чужого дома, заботу чужой матери, возможность просто идти рядом.

— Мэри, — тихо заговорил Бен, когда они свернули на ее улицу. — Я... я так рад, что ты позвала маму. Это было смело.

— Я тоже, Бен, — почти шепотом ответила она. — Мне было страшно, но у тебя такая добрая мама... Я просто не смогла удержаться.

— Знаешь, у нее еще и день рождения в этот день. Представляешь?

— Что?! — Мэри остановилась, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Она согласилась прийти к нам в свой день рождения и еще помогать с готовкой?

— Такая вот она, — усмехнулся Бен. — Невозможная.

— Она необыкновенная, Бен. Я буду это ценить, — выдохнула Мэри, и вдруг ее взгляд заметался. — Бен, если у нее день рождения... Нам нужно срочно придумать подарок. Чтобы не прогадать!

— Ну, с этим как раз проблем не будет, — улыбнулся мальчик, глядя на то, как свет фонаря играет в ее волосах.

— Главное, что она уже будет там. А это — лучший подарок. Всю дорогу до дома Мэри перебирала в голове варианты подарка. Каждый купленный сертификат в ресторан, кажется, проваливался сквозь пальцы. Она терзала Бена бесконечными вопросами: что любит его мать? Какие у нее увлечения? Есть ли среди ее желаний что-то, что не связано с домашними хлопотами? Бен, отвечая, наблюдал за ее метаниями. Этот порыв, эта искренняя забота, даже в самых простых вещах, — именно такой и была его Мэри. Той самой, необыкновенной, ради которой, как он вдруг осознал, хотелось пройти сквозь морозы и ненастья.

Они подошли к девушкиному переулку. Шаг замедлился, словно земля под ногами пошла против них. Скоро прощание. Холод пробирал до костей, но в глазах Бена Мэри казалась ярче, чем всегда. Светлые волосы, словно вытканые из весенней пшеницы, каштановые ресницы, обрамляющие бездонные голубые глаза — в них отражалась старина, время, в котором он, Бенджамин, мог стать рыцарем, достойным такой дамы. В этом внезапном, рыцарском порыве родилась мысль, которая уже не могла остаться невысказанной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.